

Второй шанс

Рассказы и отрывки из романов и
повестей

Новокузнецк
2022

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Второй шанс

Рассказы и отрывки из романов и повестей

Составитель – Калашников Н.Н.

Новокузнецк
2022

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
В 87

В 87 Второй шанс : рассказы и отрывки из романов и повестей / сост. – Калашников Н.Н.; Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк: Издательство «Ник без Company», 2022. – 88 с.
12+

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

В новой книге прозы КЛФ «Контакт» публикуются рассказы «контактовцев», а также отрывки или отдельные главы повестей и романов наших авторов, в большинстве случаев не опубликованные (или публиковавшиеся только в интернете). 3 рассказа и 8 отрывков из романов, думается, дают картину разнообразия литературных интересов авторов «Контакта».

Коротко стриженная
(Глава из романа «Извечное»)

– Эй, Рэн, тебе там не дуёт?

Я невольно скорчил гримасу. Вряд ли, впрочем, в темноте это произвело бы впечатление хоть на кого-то. Не говоря уж об Этан, затылок которой маячил впереди в карминовом свете.

– Знаю. Небось, думаешь: «Опять эта стерва с её шутками». Ничего не поделать. Нам лететь ещё часов пять. Мне надо как-то себя развлечь, а раз уж ты свалился к нам в седло, тебе придётся участвовать.

– Если бы от меня что-то зависело... – нехотя ответил я. – Думал, Луна будет возить меня до самого конца пути.

– Что, соскучился по её прелестным бёдрам? Видела я, как ты за неё хватался в первый день. Сестрица была красная, как луна Отца Сущего. Или ещё краснее, – плечи коротко стриженной несколько раз подпрыгнули под накидкой. – Наверное, тоже теперь скучает.

Щёки тронуло пламя. Встречный ветер слизывал его через повязку, но это не спасало.

– Так почему меня везёшь ты?

– Она обиделась на тебя. Не говорит, почему, так что даже не пытайся меня колоть.

Зато я знал, в чём дело. И от подтверждения моей догадки лучше не стало. Принцесса не хочет говорить со мной, не хочет везти меня в своём седле, наверное, даже не хочет видеть рядом, но терпит из-за наших обещаний.

Я вздохнул.

– Дело, конечно, не только в этом. Эно вымоталась, неся двойной вес. Луна и сама родилась довольно тяжёлой. Большая редкость, когда девы рождаются тяжелее мужей.

Вот оно что. Наверное, дело в её крови.

– Тогда меня мог бы возить всадник с самым выносливым драконом. Чтобы никого не надрывать.

– Так это мы, – хмыкнула Этан. – Мало того, я ещё и легче всех. Мы с Крайт идеально тебе подходим. Знаю, мои бёдра гораздо твёрже, чем...

– Да хватит уже про бёдра! Сколько можно? Я, по-твоему, специально за Луну хватался?

– А разве нет? – невинно-удивлённо вопрошала коротко стриженная.

– Луна – моя будущая королева. Сама ведь говорила.

Дева рассмеялась пуще прежнего.

– Ну прямо как Занн. Позволь мудрой и острой на язык Мне растолковать тебе, что тут к чему, глупый человек. Ты оказался в обществе двух самых

очаровательных названных сестёр племени Ветра и ещё трёх дуболомов, лица которых они видели каждый день с самого своего рождения. Пользуйся, пока тебе позволяют больше, чем им, дурья твоя башка!

Это бесстыдное заявление стало последней каплей. Если уж неотёсанная эльфийка с ужасным акцентом желает состязания остряков, она его получит и крепко об этом пожалеет.

– Это ты себя назвала очаровательной? – изумился я. – Волосы как у мальчишки. Грубые ладони. Манеры пьяного наёмника из дешёвой забегаловки. И, к-хм, бедра как камень.

– *А ты смелый, раз говоришь такое прямо в воздухе*, – в голосе Этан появились озорные нотки. – *Так и быть, милосердная Я это отмечу и не сброшу тебя. Но как только спешимся, ты у меня получишь. Вызываю тебя на бой.*

– Вот об этом и говорю. Ты помешана на драках.

– *И что в этом плохого? Мне нравится биться и побеждать. Я ведь эта... Как её... Гордая ловительница племени Ветра.*

– Воительница, может? – я прыснул.

– А-а! Ахкám-алэн-зуффáнэкэ!¹ – досадливо прорычала дева в воротник.

– *Она. Ловительница – это кто ловит...*

– Не уверен, что такое слово вообще есть.

– *Вот пакость! Этот ваш язык – наказание какое-то.*

Яростные завывания встречного ветра показались мне самыми приятными звуками в мире. Жаль, длилось это совсем недолго.

– *Не думай, что я забуду о своём вызове. Ты оскорбил мою чувственную девичью натуру и должен посетить наказание.*

– Понести.

– *Какая разница?.. Бейся со мной, если достанешь мужества, а если не достанешь – живи посрамлённым, пока не умрёшь.*

– Да уж достану, расстарюсь ради твоей чувственной натуры. Только не вини меня потом, если камень какой рассажу твоими бёдрами.

– *Ах ты!..*

Дева смеялась так громко, что Эно, летящая в одном размахе крыльев правее, глянула на нас огромным глазом. Луна, впрочем, не шелохнулась. Похоже, она дремала.

– *Кстати, то, что ты шепчешь мне на ухо, конечно, заставляет моё сердце трепетать и всё в таком духе, но мог бы уже и как мы научиться.*

– «Мог бы», – фыркнув, передразнил я. – Ты помнишь, с кем разговариваешь? Я – прирождённый маг металла. До смерти боюсь высоты. И у меня нет даже намёка на племенные отметины.

¹ Приблизительный перевод: «Чтоб тебе ядом захлебнуться!» Имеется в виду танский яд, выделяемый особыми железами через клыки. Услышав такое, воин-танн может вызвать на смертельную дуэль.

– Дубина, – хмыкнула коротко стриженная. – *Это не важно. Раз слышишь, как мы зываем, значит, и ответить сможешь. Не совсем так, как мы, конечно, но тут уж прости – рожей не вышел и ушами.*

– И как же мне это сделать?

– *Вообще-то, ты уже всё правильно делаешь. Только ещё зачем-то губами шлёпаешь. Попробуй представить, как шепчешь чувственной Мне всякие нежности – поглядим, что из этого выйдет.*

В моей голове снова наступила тишина.

Нежностей хочешь, значит...

– *Стерва.*

В ответ тишина. Наверное, не вышло.

– *Стерва.*

– *Так, вот сейчас что-то, вроде, расслышала. Но не разобрать.*

Прежде чем понял, что делаю, вдохнул поглубже, будто собирался крикнуть.

– *СТЕРВА.*

– *Уже лучше. Давай ещё раз.*

– *СТЕРВА!*

Плечи Этан передёрнуло. Спина драконицы под седлом дрогнула. Эно тряхнула головой. Луна и Занн, летевший впереди, обернулись ко мне, несколько мгновений смотрели не отрываясь.

– *Вот это уже перебор,* – смеивалась между тем Этан. – *По правде говоря, в первый раз тоже было прекрасно слышно.*

– Ах ты...

– *Рот закрой, муха залетит. Раз получается, тренируйся. Всё равно заняться нечем.*

В её словах был смысл, этого не отнять. Я снова попытался собраться.

– *Почему меня услышали все сразу? Даже драконам досталось, кажется.*

– *Мы, знаешь ли, довольно чувствительны к метательному излучению...*

– *Ментальному,* – не успев задуматься, поправил я.

Этан с досады дёрнула плечами.

– *Да, вот к нему чувствительны. Ты не представляешь себе, насколько громко на самом деле можно думать и как это нам досаждают.*

Я вдруг вспомнил: пару дней назад, пока мы бродили по фермерскому ряду в Арвенханне, Луна ощутила мою печаль. Выходит, танны могут читать в душах людей особенно яркие образы и слова. Наверное, в толпе она чувствовала себя просто ужасно от постоянного давления чужих мыслей. Ведь мало кто из нас держит себя в узде.

– *Похоже, до тебя начало доходить,* – Этан была горда собой. – *Но на самом деле среди вашего брата не так уж и много способных громко думать. Да и вообще, самые отчётливые мысли кого-то вроде тебя обычно похожи на шелест листвы в почти безветренную ночь. Даже пытаюсь как следует, не разберёшь.*

Это меня обрадовало. Не хотелось бы совершенно случайно прокричать все свои секреты, не раскрывая рта. Впрочем, у такой безопасности есть и обратная сторона.

– *Поэтому вы нам и не верите.*

– *В яблочко. Так у вас говорят, кажется?*

Я вздохнул.

– *Но теперь ты сможешь заставить любого танна считаться с тобой,*
– ухмыляясь, заявила коротко стриженная.

– *Даже тебя, неугомонную?*

– *Не-ет, меня не сможешь,* – как ни в чём не бывало отмахнулась она.

Я хмыкнул.

– *По правде, ты всё равно никогда не достигнешь того же уровня, каким любой из нас обладает с рождения. Будто швыряешь в меня камень и ждёшь, пока я брошу что-нибудь в ответ.*

– *А разве у вас не так же?* – удивился я.

– *Совсем не так. Между двумя таннами будто канат натянут. Один дёргает свой конец – второй сразу чувствует. Любое волнение отражается на обоих. Чем ближе двое – тем короче и прочнее канат. И таких связей – целое племя.*

Невольно вспомнилось старое украшение, висевшее под крышей веранды в нашем с Холо доме. Жители суровых северных гор когда-то верили в чудесную силу таких подвесок. Множество разноцветных стеклянных бусин, трубочек, чаш и шаров на множестве невесомых нитей. Дёрнешь за бусину – мелодичным перезвоном отзовется десяток трубочек и прогонит из дома хвори и грусть. Она любила сидеть в деревянном кресле, пить чай и слушать, как ветер перебирает стёклышки. Мы думали: состарившись, будем проводить так дни напролёт. Или, может быть, так думал только я?

Будь у нас Холо такой же канат, как бы всё обернулось?

– *Что это было, Рэн? Я слышала звон колокольчиков.*

– *Ничего. Забудь.*

Накануне вечером я обошёл вдоль и поперёк фермерский рынок Элерота, закупая продукты. В основном, это был хлеб, копчёное мясо, свежие и маринованные овощи и вино. В наших краях его редко делали из ягод, чаще из винограда на южный манер, так что отыскать привычное таннам было трудно.

Холодильный шкаф в моём «Логове смутьяна» теперь доверху был набит разной едой. Наверное, в первый раз после того, как я купил этот ветхий домик. Хватит на неделю на шестерых. Теперь отлучаться в город каждый раз, оставляя принцессу без присмотра, не нужно. Только если захочется угостить таннов чем-нибудь особенным.

Ещё удалось разжиться крайне полезной вещицей. Это была невзрачная с виду жестяная коробочка, внутри которой в несгораемой вате покоился маленький металлический шарик. Размером не больше

ягоды земляники. Пришлось выложить за них немало серебра, но каждая дощечка была потрачена с пользой.

Достав чугунный котелок, треногу и черпак, принялся за готовку. Занн с лампой молча наблюдал за тем, как я водружаю посудину на подставку, наполняю водой из вместительной жестяной фляги. Когда настала очередь шарика, он наострил, не упуская ни единого движения. Заинтересованный Тарр тоже подошёл поближе, закончив со своим одеялом.

Тем временем, шарик медленно поднялся над ложем и, повинувшись движению моих пальцев, невесомо порхнул внутрь маленькой проволочной сеточки. Я плотно запер две её половинки маленьким замочком и, держась за конец цепочки, опустил шарик в воду. Двое поднесли лампу поближе к котлу и наблюдали за тем, как внутри сеточки появляются маленькие пузырьки пара.

– Как эта штука работает? – не стерпел лекарь. – Мы точно не будем мучиться желудками?

– Точно-точно, – ухмыльнулся я, извлекая по очереди говяжьи рёбрышки, завернутые в бумагу, полдюжины картофелин, луковицу, пучок свежих трав и перечницу. – Это просто железный шарик. Внутри – кусок обсидиана. Маг огня взывает к его природе и накладывает мощные и сложные чары, заставляющие излучать тепло.

– То есть, камень греет воду?

– Ага.

Я достал широкую разделочную доску и принялся за рёбрышки.

– Чем дальше ты среди нас, тем больше странностей, – заметил старшина. – Люди очень хитроумны во всём, за что берутся.

– Но ты ведь не маг огня, верно? Как ты собрался регулировать температуру? – поинтересовался Тарр, задумчиво глядя в котел.

– Можно вынимать шарик или доливать холодной воды, – терпеливо объяснил я. – К готовке с применением магии нужна привычка.

– И как называется эта вещица? – заинтересованно спросил Занн. – При случае хочу спросить у торговцев.

– Кипятильник.

Танны переглянулись.

– Довольно незамысловато, – пожал плечами старшина.

– А почему именно обсидиан? – спросил Тарр. – Не все камни для этого подходят?

– Обсидиан – это камень с энергетикой Первородного Огня. Рождаясь, он остывает очень быстро, не успевает в полной мере забыть, как был пламенем. Маг всего лишь напоминает ему о природе, заставляет Энергию Мироздания течь через него, как если бы земляное стекло всё ещё было огнём. Поэтому лучшего материала для кипятильников не найти.

– А зачем металлическая скорлупа? – не унимался лекарь. – Если камень греет воду, наверное, она только мешается. Сунул бы его в сетку – и всё.

– Раньше так и делали. Было много случаев, когда тонкие чешуйки, отколовшись, проникали между прутьев. Стоит такую чешуйку проглотить...

– Понял, можешь не продолжать. Есть у нас легенда о Кхане Огнеглотателе. Он был молодым и бедным артистом, показывающим представления с огнём в домах таннов и людских городах. История, как водится, умалчивает, какого он был эльфийского племени, потому каждый причисляет его к своему и готов за это драться. Как-то раз Кхан похвалился, что проглотил бы само Солнце, если бы дракон смог его донести. Солнце, конечно же, разгневалось и сбросило на землю шар своего чистейшего пламени. Кхан не струсил и тут же проглотил его целиком. Покорённое смелостью смертного и его исключительной огнеупорностью, Солнце предложило... К-хм... Предложила себя в жены Кхану. Видишь ли, Рэн, у нас Солнце считают девой. После этого Отец Небес благословил её садиться на Западе и вставать на Востоке, чтобы ночь она могла провести с возлюбленным. Давай помогу...

Благодарно кивнув, я вытащил ещё одну доску и поварской нож. Показал, как правильно чистить и резать морковь.

– ...Так вот, – продолжал Тарр, орудуя ножом. – С недавних пор эта легенда стала настоящим источником проблем для лекарей. Если молодой деве наскучили ухаживания юного воина, она просит его проглотить огненный шар. Каждую весну находится пара смельчаков...

Я не выдержал и прыснул.

– Прости.

– Был бы ты на моём месте... – вздохнул Тарр. – Ладно, с этими странными корнями я закончил. Есть ещё с чем помочь? Это тоже нарезать?

– Нет уж, ей займусь сам, – я отобрал у него луковицу и положил на свою доску. – Лучше отойди подальше. Да и ты, Занн, тоже. Лампу только оставь.

– Неужели эта засохшая кочерыжка настолько опасна? – лекарь явно был заинтригован.

– Сама по себе – не очень, но в сложившейся ситуации... В общем, лучше вам отойти.

Двое таннов пожали плечами и присели на корточки в другом конце лагеря.

Я принялся чистить луковицу.

Между тем Луна, Этан и Кайто перебрались через драконий хребёт. Коротко стриженная сразу направилась в мою сторону.

– Что, уже предчувствуешь, какую трёпку я задам тебе поутру?

– Не могу дождаться, – пробормотал, не глядя на неё. – Хочешь, прямо сейчас сразимся?

– И как же? – она присела рядом на корточки. – Кто быстрее нарежет этих твоих длинных красных овощных червей?

– Мор-ков-ка, – произнёс я, выговаривая каждый слог. – Нет. Кто заплачет – тот проиграл.

– А что надо делать?

– Просто сидеть.

– И в чём подвох?

– Нет подвоха. Сиди и смотри на меня.

Ухватив поудобнее рукоятку ножа, я разрезал луковицу надвое.

– Что-то я тебя не пойму. Тут явно какая-то уловка есть.

Полукольца с сочной пурпурной кожицей по краям ложились на доску ровными рядами. Этан шмыгнула носом.

– Что за... Какого... Как ты это делаешь?

Закончив с одной половинкой, взялся за другую. В глазах щипало так, будто их утыкали раскалёнными иглами. Взглянув на коротко стриженную, я увидел на её щеках дорожки слёз. Вскочила, всплеснув руками, и побежала прочь, туда, где расселись остальные, схватила флягу с водой и принялась поливать лицо.

Кайто смеялся громче всех, но подойти ко мне не решился. Равно, как и все остальные.

Луковица – лучшее оружие против несносных небесных эльфиек. Не забыть бы занести в рецепты, куда-нибудь в раздел с опасными ядами.

– *Я тебя ненавижу*, – донёсся до меня обиженный внутренний голос девы.

– *Должно быть, это первый раз, когда гордая ловительница племени Ветра рыдает у всех на виду*, – проговорил я про себя, ухмыляясь сквозь слёзы. – *Не бойся, через пару минут полегчает.*

– *Такая бесчестная победа не может считаться победой.*

– *Вообще-то, я тоже проиграл.*

Она вытерла глаза и взглянула на меня. Вернее, на ручки слёз, катившиеся по моим щекам. До чего же ядрёная попалась луковица! Я вытер лицо рукавом и уставился в ответ, ухмыляясь до ушей.

Обиженно-удивлённое выражение, застывшее на лице коротко стриженной, понемногу изгладилось, губы растянулись в озорной и немного кровожадной улыбке. Такой же, как и моя.

– Это тебе за выходку с мысленными разговорами, – я ткнул в сторону девы поварским ножом.

– Засчитано, – покивала Этан, не переставая улыбаться. – Но счёт будет равным недолго. Это я тебе обещаю.

Суп получился вполне сносным. Я редко готовил с помощью кипятильника – в «Логове» у меня стояла небольшая зачарованная печь – поэтому бульон получился слабоватым, а картошка разваливалась. Но танны ели с удовольствием. Соскучились по бульону за последние несколько дней. Я и сам соскучился.

Обглодав рёбрышки и вымыв посуду, мы разошлись по постам, ожидая рассвета. Сегодня была моя очередь нести дозор поутру. Вместе со мной дежурил Тарр. Он всегда был молчуном, если дело не касалось еды, питья или лекарского дела. Время тянулось нехотя в тишине, нарушаемой только редкими порывами ветра.

Нынешнее укрытие было не самым удачным – высокий каменистый гребень на вершине лысого холма. Подобраться к нему для мага,

обученного широкому шагу, было проще простого. Но вот залезть наверх – та ещё задача. Пологий откос, венчающий гребень, не просматривался снизу. Рядом не было ни одного достаточно высокого дерева. От нас требовалось поглядывать за дальней кромкой леса – не покажется ли кто в предрассветных сумерках. И внимательно слушать, что происходит внизу.

Остальные отправились спать, но я знал: коротко стриженная не сомкнула глаз. Она ждёт рассвета. Вся в предвкушении нашего поединка. Луна, к моему немалому удивлению, одобрила его и вызвалась судить.

Наверное, так у таннов принято разрешать раздоры, если обычные средства не помогают. Воины сходятся в схватке под присмотром вождя. Даже будучи правым, проигравший вынужден уступить. Если останется жив. Варварский обычай прошлого, давно забытый в королевстве Агния, продолжает жить среди племён небесных эльфов. Правильно это или нет – ведомо лишь Трём.

И теперь мне предстоит поучаствовать в таком поединке. Из-за пустяковых слов насмерть не бьются – спор между мной и Этан проще разрешить, разведя нас по углам, как маленьких детей. Похоже, они что-то затеяли. Надеюсь, новоявленная острячка не выкинет какую-нибудь глупость. Или принцесса, демонстрируя мстительную женскую натуру, будет ставить мне палки в колеса. Впрочем, подобная низость совсем не в её характере.

Наконец, солнце медленно, будто нехотя, вышло из-за края долины. Где-то там, вдалеке, горные цепи смыкаются вокруг хвойного моря, будто гавань для божественных кораблей, бороздящих лесные просторы. Что лежит за теми горами, на востоке, неведомо ни эльфу, ни человеку. Лишь солнце знает, ведь его путь в наши земли каждое утро лежит через тот заповедный край.

Мы подобрались совсем близко к Трайну, и он нависал над нами в своём непоколебимом величии. Ещё два перелёта, говорил старшина, и мы достигнем его подножия. А через пять нам придётся искать в небесах птичью тропу через Ледовый перевал.

Я глядел на седого исполина и молчаливо взывал к нему. Рудные жилы глухо рокотали под извечными шапками ледников.

Каждый раз перед битвой успокаивал нервы дыхательной гимнастикой. Не то чтобы предстоящая дуэль с девой из низкорослых и лёгких небесных эльфов меня взволновала. Просто давняя привычка. К тому же, недооценивать одного из лучших воинов, отобранного для защиты принцессы – верный путь к поражению. Отчего-то мне вовсе не хотелось ей проигрывать. Поэтому я дышал. Наставник говорил, только спокойное сердце побеждает в схватке. А потом без всякой пощады швырял меня оземь.

Такой урок трудно было не усвоить.

– Время пришло, корноухий, – ухмыльнулась Этан, наклонившись к моему уху. – Как я погляжу, ты в ужасе.

– Сейчас умру от страха.

Мы вышли на широкую ровную площадку в самой середине кольца чешуйчатых хребтов. Драконы бдительно приняли посты у воинов, желавших наблюдать за дуэлью. Занн глядел на меня с интересом. Тарр вздыхал и качал головой – работы, мол, прибавяете. Лицо Луны было непроницаемым, как и всегда. Она села на одеяло с рисунком облаков, поправила полу узорчатой накидки. Остальные уместились рядом: Занн – по правую руку, Тарр – по левую.

– Да чего на них смотреть-то?.. И так всё ясно, – пробубнил Кайто, занимая место последним.

Этан встала напротив меня в пяти шагах. Оскалила в улыбке длинные клыки. И медленно вытянула из-за пояса кривой костяной нож.

Всё-таки она затеяла глупость.

– Властью вождя я благословляю эту схватку, – громко и внятно проговорила Луна, – и оглашаю правила. Воины сойдутся в рукопашной. Первый, пустивший противнику кровь или вынудивший просить пощады, объявляется правым. Разрешаю оружие. Запрещаю магию. Запрещаю смертельные удары. Запрещаю вред здоровью. Оставляю за собой право прервать бой, если сочту исход решённым. Бейтесь честно перед лицом Трёх Великих Отцов.

– Что же ты, Рэн, доставай свою хваленую сталь, – ухмыльнулась коротко стриженная. – Или струсил?

– Я отказываюсь биться на ножах с товарищем. Нам нельзя сейчас подвергаться такому риску.

– Правила объявлены, – холодно ответила принцесса. – Оружие разрешено. Ты можешь биться голыми руками, если желаешь.

– Ох, чтоб вас... – вырвалось у меня.

Ладно. Если по-другому не выйдет, придётся только смириться. Встретить строптивую таннку как подобает воину приземлённой энергетики материального элемента.

– Ты ещё скажи, что нож отравлен.

– А как же? – ухмылка Этан сделалась шире.

– Одна царапина – и я труп.

– Ага, – она прямо сияла.

– Ну что ж... Я готов.

– Сходитесь, – приказала Луна.

Я остался на месте, только принял устойчивую позицию.

Этан рванула ко мне одним звериным прыжком.

Нож свистнул мимо моего лица – я ушёл влево, выбирая момент для контратаки. Но его не было. Дева пригнулась к земле и, развернувшись, как кошка, бросилась на меня снова. Отступил назад. Удар в левый бок. Подставил ладонь, увёл клинок в сторону, закружил её будто в танце. Не дала перехватить инициативу, вписалась во вращение. Клинок свистнул над моей головой – присел, уходя от удара.

Быстрая. Еле поспеваю.

Удар коленом в лицо. Перекатился влево и снова поднялся на ноги. Она была рядом, будто ждала. Молниеносный укол в сердце. Повернулся вправо, потянув за собой.

Берёза роняет лист.

Нож вылетел из руки коротко стриженной, описал плавную дугу и стукнулся о камень в пяти шагах за моей спиной. Но этим всё и закончилось.

Вывернулась и выхватила второй.

Слишком медленно. Нужно собраться.

Этан замерла в трёх шагах передо мной, оценивающе глядя мне в глаза. Больше не ухмылялась. За её спиной четверо таннов сосредоточенно наблюдали за дуэлью.

Кайто смотрел, приоткрыв рот.

Длинный выпад с места. Заметила, что я отвлекся. Увёл руку влево, шагнул под локоть, сокращая дистанцию.

Ель сбрасывает снег.

Лёгкое тело перекатилось через мою согнутую спину. Перевернувшись в воздухе, она приземлилась на четвереньки. Всё потому что невесомая и реакция быстрее кошачьей.

Но до конца это её не спасло. Видно было по движениям. Правое плечо уже не гнётся.

Больше она не рвалась в атаку. Не желала сходить со мной в ближнем бою. Не видела брешей. Ходила вокруг, как тигрица, загнавшая лань на кручь. Опытная.

Шагнул вперёд – отступила. Шагнул снова – обошла по широкой дуге. Перехватила рукоять обратной стороной. Ещё шаг в сторону. Помню: там на камне лежит нож. Хочет взять. Медленно подобралась к нему. Нагнулась, не спуская с меня глаз.

Яростный рывок вперёд, удар в левое плечо. Поставил предплечье. Нацелил в грудь сложенную лодочкой ладонь, занёс вперёд правую ногу.

Валун слетает с кручи.

Ноги Этан оторвало от земли. Клинок не успел достигнуть цели, вместо этого тело девы плашмя обрушилось наземь. Она невесомая и вёрткая. Поэтому её легко сбить с ног. Прижал к земле, держа левой рукой за запястье. Дева хватала ртом воздух.

– Сдавайся.

Ухмыльнулась.

Удар в затылок носком сапога. Тупая боль. Пригнулся ниже, согнул локоть. Клыки щёлкнули возле уха. Откатился влево, выпустив запястье. Вскочила и бросилась в атаку. Нож свистнул, вылетев из ладони. Метнула точно в левое плечо. Шагнул в сторону. Маленький острый кулак впился в рёбра. Отступил, уходя от удара в левую скулу. Не дала разорвать дистанцию. Снова удар в лицо. Ушёл влево. Из-за пазухи накидки выпорхнул третий нож. Укол в правое лёгкое. Встретил запястье ладонью, дёрнул в сторону.

Ручей омывает валун.

Подбородок девы лёг на мой левый локоть. Вывернуться не давала заломленная за спину рука.

– Сдавайся.

Молчание.

Сдавил сильнее. Приподнял над землёй, вынудил встать на цыпочки.

Этан сипло застонала и стукнула ладонью по моему локтю.

– Ты победил.

Я отпустил её запястье.

Коротко стриженная присела рядом на коврик. Не спрашивая приглашения. Будто мы были давно знакомы. Вынула ножи, разложила на коленях, взяла один и принялась точить.

– Честно сказать, я думала, вся сила людей в магических уловках. Ты меня удивил.

– Ты меня тоже. Вы, танны, очень шустрые.

– Толку от этого, если мне тебя не сдвинуть? – насупилась дева. – Стоял там как валун какой-нибудь, вертел меня на потеху отряду. И даже оружие не достал.

Я молча пожал плечами.

– Как называется то, что ты со мной вытворял?

– Выбирай слова тщательнее, хорошо?

– Я ничего такого не имела в виду! – серьёзно и, кажется, чуточку обиженно воскликнула Этан. – Скажи. Хочу знать.

– Северный кулак, стиль Лесов, Ветров и Кручей.

– Вычурно как-то.

– Не я придумывал.

Замолчала. Неловко поёрзала на месте, поправляя растрёпанную ветром накидку. Заскрежетала ножом о точило.

– Ты ведь мог сломать мне руку тем приёмом вначале, – внезапно и резко прервала молчание.

– Мог, – согласился я. – Но Луна запретила.

– Только поэтому не стал?

– Не только. Мне не по нутру увечить товарищей.

Коротко стриженная громко рыкнула и с чувством выругалась на своём.

– Выходит, ты меня всё-таки щадил. Хотел преподать урок, но не стал бы вредить. Ладно! Как ты там говорил? Причёска как у мальчишки, – она взъерошила жёсткие короткие пряди. – Грубые ладони, – стукнула кулаком оземь. – Манеры пьяного наёмника и бёдра как камень. Так, вроде? Обрезала волосы, потому что мешали драться. Тренировалась до кровавых волдырей. До треска костей. Столько синяков набила, что и не сосчитать. А толку? Одноединственного корноухого и поцарапать не смогла. Слабая, выходит.

– Вовсе нет, – я помотал головой. – Ты сильная. Почти побила меня. Если бы не попала на последнюю ухватку, тут бы мне и конец.

– Почти – не в счёт, – Этан мотнула головой. – Сам ведь понимаешь, в настоящем бою «почти» – это всё равно смерть. Второго шанса не будет.

Значит, сломанное запястье. Вывихнутое плечо. Разбитая грудная клетка. И ко всему в придачу сломанная шея. Такой, вроде, порядок был? Дважды покалечена, дважды мертва.

Она достала из-за пазухи пузырёк, выточенный из поллой кости. Вынула пробку. Капнула немного прозрачной, как слеза, жидкости на клинок. Принялась втирать большим пальцем. Совершенно спокойно, будто в руках был не только что отточенный нож, а кусок дерева.

– Это что, яд? – изумился я.

– Он, – подтвердила коротко стриженная. Закончив с первым ножом, капнула на второй.

– Выходит, ты меня тоже щадила.

– Конечно. А ты думал, я убью тебя, несмотря на запрет?

– Разве дело только в этом?

Этан улыбнулась. Не так, как всегда. Мягко и грустно.

– Нет. Хотела пустить тебе кровь первым же ударом, а потом до конца дороги потешаться. Убивать – не хотела.

Закончив с ножами, дева сунула их по местам. Глубоко вздохнула.

– Ты прав, Рэн. Сама знаю, что прав. Вовсе я не мудрая. Не чувственная. Не великая. Просто остриженная под мальчишку девка со скверным характером. С некрасивым лицом и твёрдыми бёдрами. Просто... Я ведь только драться и умею. Ни шить, ни ткать, ни охотиться, ни резать по дереву или кости так и не выучилась. Отними ножи – ничего не останется. Никому не буду нужна. Да и с ножами – тоже.

– Неправда.

Опустившая взгляд Этан напряглась всем телом.

– Лицо у тебя очень милое. И фигура что надо. Дамам при дворе с их корсетами такая талия и не снилась.

Она медленно подняла голову и глянула на меня широко распахнутыми глазами.

– Смеёшься.

– И в мыслях не было. Только глаза так не выпучивай, сразу всё очарование теряется.

Счастливо и тепло улыбнулась. Щёки порозовели. Потупилась. Смутилась и спрятала лицо в воротнике накидки.

– И, кстати, я был бы последним придурком, если бы не заметил, как Кайто на тебя заглядывается.

– Кто, Локоть? – прыснула Этан. – Ему ещё лет десять расти, прежде чем он сможет меня побить!

– Вообще-то я не о том...

– Да поняла я, что не о том... – дева глянула мне в глаза. Ласково-нисходительно. А потом игриво оскалилась. – Видел, какое у него было лицо, когда ты нож у меня выбил? Небось, даже не заметил движения, решил: выронила. А когда ты бросил меня на землю, он аж подскочил!..

– Тебе спать не пора? – ухмыльнулся я.

– Что, надоела? – беззлобно оскалилась Этан. – Пора, наверное. Да разве ж я теперь усну?

– Ну, хоть попробуй. Если не выспишься, сложно будет завтра дозор нести.

– Беспokoишься, значит? Ладно, так и быть, – она поднялась на ноги, одёрнула накидку. – Если замёрзнешь под своей простыночкой, милости прошу к нам под крыло, – игриво подмигнула, глянув через плечо. – Только не забывай: ножи всегда при мне. Даже когда я голышом купаюсь в озере.

Прежде чем понял, что говорю, я ответил:

– То есть, сперва сломать запястье?

С удовольствием рассмеявшись, коротко стриженная пружинящей походкой пошла прочь. Я глядел ей вслед и вдруг заметил, что улыбаюсь.

До чего же странное у Богов чувство юмора.

Терпения Этан хватило от силы на полтора часа. Её мысленный зов стукнул меня по темени, когда солнце начало ощутимо припекать, а спустя несколько мгновений, она уже сидела рядом. Со взъерошенными, сваявшимися с одной стороны космами. И широкой, немного хищной ухмылкой. Заявила, что пойдёт спать после полудня, а до тех пор развлечёт меня беседой.

Так себе развлечение. Но деваться было некуда.

Она принялась расспрашивать о моём прошлом. О том, как живётся в большом городе. О том, как у нас выбирают королей. Узнав, что титул переходит по наследству к старшему сыну почившего монарха, дева неприятно удивилась и спросила:

– И что же вы будете делать, если сын окажется чванливым глупцом?

В ответ я только пожал плечами.

История Агнии знает немало чванливых глупцов. Как правило, их появление на троне совпадает с началом очередной войны за Редколесье.

– У нас вождём становится лишь тот, кто заслуживает всеобщего доверия. Мудрейший и сильнейший, в общем. Как говорит сестрица, вождь – слуга племени, которого выбирают лишь для того, чтобы воля общности имела лицо. Он вроде якоря, к которому привязаны все канаты. Дёрни за любой – ощутит.

Невольно вспомнилась первая трапеза таннов. Очень бросалось в глаза то, что именно Луна разделявала косулю, следя за тем, чтобы всем досталось вдоволь мяса. Себе она положила в последнюю очередь. После слов Этан я вдруг понял: этот застольный ритуал, возможно, призван лишний раз напомнить вождю о его месте. Символизирует доброту и заботу, которую тот обязан проявлять к каждому в своем племени.

До чего же необычно. Уверен, если б кто-нибудь сказал, например, городничему, что тот за обедом должен лично подносить блюда каждому в своей конторе, тот пришел бы в ярость.

– Как правило, вождём становится взрослый и опытный муж, доказавший делами своё право. Поэтому отец сестрицы – особенный танн. Племя единодушно доверилось ему после двадцать третьего перелёта. Да примет его Отец Небес в своем чертоге.

– А женщины-вожди у вас бывают? – я покосился в сторону Луны, крепко спавшей под меховым одеялом.

– А как же! – гордо ухмыльнулась дева. – Мы стоим с мужами плечом к плечу, когда наступают трудные времена. Потому, выбирая вождя, различий не делают. Сейчас племя Ветра оберегает вдова Ракхи – отца сестрицы. Фрея. Её поддержали не только наши воины, но и другие вожди. С её согласия Луна выходит замуж за корноухого юнца, чей дальний пращур быстрее всех занял стул в большой комнате... Прости, Рэн.

Я с удовольствием рассмеялся.

– Готов поспорить, тысячу с лишним зим назад именно так всё и было. А то, что в наших книгах пишут, барды и поэты насочиняли, – помолчал, подбирая слова. – Тебя бесит то, что этот юнец ничем не заслужил такой чести? Или то, что он корноухий?

– Пожалуй, и то, и другое, – вздохнула Этан. – Пусть в сестрице лишь половина эльфийской крови, но она – одна из нас. Связана с племенем. Если уйдёт к людям, ей придётся себя отрезать.

Помнится, каких-то три дня назад я говорил Луне похожие слова. Что магия делает её одной из нас, благословленных Вторым из Трёх. Но правда была в том, что ни один из ныне живущих людей не сможет принять её так же, как родное племя. Мы мелочны и замкнуты в себе. Даже будущий муж, не смотря на перлы в его письмах, до конца жизни будет видеть в ней лишь игрушку. Красивый и изящный символ соглашений с чужим народом.

– Но кроме этого, – дева поёрзала на месте и потупилась. Её смуглые щёки тронул румянец. – Ты слышал о том, как у нас женятся? Хотя, откуда тебе... В общем, она не сможет выйти замуж. Все эти действия для виду, которые у вас зовут свадьбой – худший спектакль в мире! – она всплеснула руками. – Помнишь, я тебе про канаты рассказывала? Так вот, после свадьбы между нами образуется настолько прочная связь – даже секреты хранить не выйдет. Все тайны и чувства мужа жена разделит. И наоборот.

Кажется, Луна что-то такое упоминала. Но тогда я понял не до конца.

– Поэтому мы и не можем родниться с людьми, – вздохнула Этан. – Стену, которой Отец Сущего обнёс ваш разум, не пробить.

– Что, даже твоими каменными бёдрами?

Коротко стриженная взглянула на меня без тени усмешки.

– Дурень. Я тут тебе про серьёзные вещи, а ты – туда же. Сестрица отказалась от места среди нас, от счастья замужества ради долга перед племенем. Останется одна, оборвёт все связи и будет жить так до конца своих дней, одинокая и несчастная. Это – величайшая жертва. А ты тут шуточки свои шутишь.

Перед мысленным взором вновь встали картины нашего с Луной первого полёта. Прекрасные и ужасающие. Я вновь ощутил, как теряется далеко внизу громогласный и суровый рокот гор. Шёпот камней. Как завывающий, но такой молчаливый встречный ветер беспощадно бьёт в лицо.

Луна проживёт всю жизнь в тишине. Прикованная к чуждой и неприветливой твердыне. Запертая в клетке дворцовых покоев. Придавленная долгом перед народом. Привязанная клятвами, за которыми ничего не стоит, к нелюбимому, постылому мужу.

– Прости, Этан. Не хотел обижать.

– Знаю, что не хотел, – улынулась коротко стриженная. – Хоть мы и не связаны с тобой, но кое-что из твоих мыслей я ловлю. Ты сестрицу по-своему понимаешь. В конце концов, в вас течёт одна кровь, – помолчала, глядя куда-то за горизонт. Ухмыльнулась, оскалив клыки. – Даже не думала, что ты боишься высоты из-за чего-то такого странного.

– Я таким родился. Может, страхи побороть и получится, но природу своей энергетики изменить я не в силах, уж прости.

– Разве я назвала тебя трусом? – Этан подалась вперёд, глядя на меня широко распахнутыми глазами. – Да ты же с этим треклятым камнем сросся прямо, когда я на тебя кинулась. У меня так никогда не получится, в воздухе ведь родилась. Люди удивительные! Глупые, грубые, замкнутые, но удивительные. И это всё ты, твердолобый, мне внушил одной единственной дракой, без всяких слов. Да будь на твоём месте кто другой, даже не взглянула бы на него!

Я оторопело глядел в её глаза. Чёрные, с синеватым отливом. На щеках девы вспыхнул румянец. Она отвернулась и зарылась носом в мех накидки.

– Кажется, лишнего сказала, – неловко, наигранно рассмеялась. – Забудь. Ладно?

Выдыхая из лёгких внезапно вспыхнувший жар, пожал плечами. И почему из всех случайных товарищей я больше всего стараюсь сохранить лицо не перед будущей королевой, а перед грубой и трудной в общении танткой, за всю жизнь выучившейся только драться?

Повисло молчание. Даже ветер стих.

Я прекрасно знал почему. Но признаваться в этом не хотелось. Ни себе, ни тем более коротко стриженной.

– Знаешь, Рэн, я тут думала волосы отрастить, – тихо проговорила Этан в воротник. – До плеч, чтоб не сильно мешались. Как думаешь, мне пойдёт?

Перед внутренним взором возникла дева в простой меховой накидке и кожаных штанах. С костяными ножами у пояса. С тонкой и жилистой фигурой. С маленьким носиком и большими глазами. Чёрными, с синеватым отливом. С загорелыми и обветренными щеками, пересечёнными незамысловатыми и угловатыми племенными отметинами. Жёсткие пряди волос воронёным зеркалом ложились вдоль линии скул, но не скрывали кончики аккуратных заостренных ушей.

В глазах девы плясали тёплые огоньки.

– Можешь не отвечать.

Снова молчание. Но совсем другое. То самое, которое хочется продлить.

Этан подобрала колени, скрестила сверху предплечья, уткнулась носом в рукав. Шумно вздохнула.

От вчерашней драчуны и неуклюжей острячки, казалось, не осталось и следа.

Мы пошли отдыхать в первом часу после полудня, когда заспанный Кайто пришел меня сменить. Луна тоже свернула одеяло и принялась расчёсывать волосы костяным гребешком. Взглянув на неё, Этан ухмыльнулась и пообещала названной сестре в скором времени отрастить косу на зависть всем девам из племени Ветра. Названная сестра тепло улыбнулась и, не смотря на протесты, подарила ей свой гребешок. Не помню, чтобы принцесса при мне так улыбалась.

В спину кольнуло ледяной спицей. Обернувшись, успел заметить, как охотник быстро отводит взгляд. Я сделал в уме пометку и направился к своему коврику.

Камень был жёсткий, а подстилка ужасно тонкой и свалывшейся, но мне было не привыкать. Спать приходилось в разных местах, иногда и вовсе сырых или холодных; неровных, как стиральная доска. Я улёгся, не раздеваясь, и укрылся шерстяным одеялом. Если в скором времени не приму ванну, начну смердеть.

От мыслей о том, что делать дальше, как разбираться с «гусьями» и лазутчиком, меня отвлек взгляд Этан. Она лежала, положив голову на локоть, укутавшись по шею, и смотрела на меня полузакрытыми глазами. Ухмыльнулась.

– *Спи*, – послышался её шепот в моей голове. – *Будет время подумать, пока летим.*

Устроилась поудобнее и закрыла глаза.

Я перевернулся на другой бок. Почти сразу же в спину упёрся взгляд. Не колкий, скорее, как поглаживание. Снова погрузившись в мысли, перестал его замечать. А когда мельком взглянул на неё, стараясь найти удобную позу, коротко стриженная тихо посапывала.

Уснуть тем вечером мне так и не удалось. Опухший и вымотанный, я приготовил незамысловатый ужин, вскипятил чай. Постарался взбодриться. Не вышло.

Когда вернулись драконы, и все расселись по сёдлам, готовясь к отлету, Этан шепнула мне:

– *Так и не поспал толком, да? Как взлетим, ложись ко мне на плечо.*

Драконица Крайт оставила землю далеко внизу, мерно взмахивая крыльями. Мы пробили слой облаков, затянувший ночное небо, распластались по воздуху под карминовой луной. Ощущая на щеках прикосновения колючих искорок, я придвинулся поближе к коротко стриженной. Обвил руками её тонкую талию и положил голову на меховой воротник.

Спустя мгновение тугие канаты, натянувшиеся под накидкой, расслабились. Дева глубоко вздохнула.

– *Не бойся, Рэн. Мы за тобой присмотрим.*

– *Если станет тяжело, ткни меня локтем.*

– *Я тебе не сопливая корноухая девка*, – ответила Этан. Перед глазами сразу возникла её ощеренная ухмылка. – *Спи и ни о чём не думай.*

Будучи уверенным, что в такой неудобной позе уснуть точно не выйдет, я крепче обхватил таннку.

И сразу же провалился во тьму.

Евгений ГРЕП

Ты не бессмертен (Наброски с невозможного)

– Папа, что это?!

– Ничего, просто гром...

Боги отдыхали после обеда, уютно расположившись на облаках. Отец, бог Рассвета, и его сын...

– Гром? Не может быть... Ты же сам говорил, что грозы сегодня не будет!..

Отец недовольно пошевелился, но всё же ответил:

– Значит, я ошибся...

– Но, ты же бог, а боги не ошибаются!

– Ещё как ошибаются, – вздохнул бог Рассвета.

– А внизу туман... Или дым? Огромное поле – и всё в дыму!

– Это, наверное, пожар...

– Там люди! Много людей!

Бог повернулся к сыну спиной и старательно захрапел...

Однако не удалось богам в этот раз выспаться. Тотчас пронзительный визг заставил обоих вспрянуть.

– Что это?! – в страхе вскричал сын.

Что-то стальное, пятнистое, извергающее пламень пронизало облака, преследуемое такими же чудовищами. И началась круговерть... Во все стороны неслись горячие трассы, ракеты, осколки... Железных птиц было две стаи – одна в пять, другая в четыре единицы... Сын бога Рассвета со страхом наблюдал из-за разорванного облака как, то одна, то другая птица разлеталась тучей обломков, которые тонули в облаках...

– Сынок, где ты?! – громким шёпотом зывал откуда-то спрятавшийся бог Рассвета.

Однако сын не слышал... Первый страх уже прошёл, и ему стало интересно. И потому, когда очередная птица загорелась и пошла куда-то вбок-вниз, он подлетел к ней, чтобы получше рассмотреть, но на осмотр времени не осталось – неожиданно от птицы отлетел стеклянный колпак и из стального чрева выбросило что-то живое...

– Человек?! – вскрикнул сын бога.

И бросился к нему...

Было непривычно больно – обжигало правую руку и вообще весь бок, да ещё кружило голову так, что он иногда сам себе казался мухой, прицепившейся к потолку. Глаза всё время заливало чем-то липким, горячим...

Над ним дрались – это было ясно по хэканьям, ругани да изредка прорезающимся звукам выстрелов. Иногда на него наступали, тогда из груди сам собой вырывался стон. А где-то далеко гудела канонада...

Наконец над ним склонились, перевернули, отёрли кровь с лица. Из неясности возникло мрачное, небритое, но, несмотря на это, интеллигентное лицо. Оно принадлежало лейтенанту в камуфляжной форме, с автоматом в руках...

– Держись, браток! – приказал лейтенант. – Сейчас мы тебя отсюда выдернем!..

И тут же залёг, используя раненого, как бруствер, стал посылать короткие злые очереди...

К горлу подкатывала тошнота, в голове было пусто, как в использованной консервной банке...

– Кто я? – спросил раненый лейтенанта.

– Ты – свой! – успокоил его тот, привстав.

– А они?..

– А они – чужие!.. – едва выговорив, лейтенант рухнул на раненого, заливая тому лицо уже собственной кровью. Больше признаков жизни он не подавал...

Схватка стихала. Хлопали уже последние выстрелы, явно неторопливого характера. Кто-то рядом посоветовал:

– Лётчика добей...

Это прозвучало так буднично, что даже и страшно не стало...

Несли разговоры:

– Видели, гады, как он спускался...

– Мы даванули, и вот...

– Как звери сопротивлялись...

– Сколько народу полегло...

Голоса отдалялись... Хлопнул выстрел...

Небо светило звёздами...

«Значит уже ночь? И меня не добились?»

Кажется, можно было встать, что он и сделал. Вокруг простиралось изрытое снарядами и ракетами, много раз горевшее и затухавшее, усеянное останками боевой техники, трупами и тем, что было когда-то трупами, поле боя...

«Куда теперь?..»

Он не имел ни малейшего понятия о том, кто он такой.

Впрочем, теперь многое вспоминалось, но как не своё, чужое...

Войну он помнил. И речь по телеку – «Без объявления... вероломно... они ответят!..» И срочное построение... И, конечно же, «Экипажи, по машинам!..», последующий бой (не столько последующий, сколько последний), стремительное падение с нераскрывшимся парашютом...

Но почему тогда ему знаком вкус облаков, запах нектара и нега спокойной, ничем не омрачаемой жизни? И будто кто-то кричит ему вслед: «Сынок, вернись, ты же бессмертен!..»

Лётчик сел, уткнулся лбом в колени и стал ждать...

Кто-то тронул его за плечо.

– Не сиди здесь...

– Почему? – спросил он, не открывая глаз.

– Потому что мне надо работать...

Неясная фигура в чёрном саване, с накинутым клобуком о чём-то напоминала... Блестело лезвие косы...

– Я мешаю?

– Да... – голос шелестел, как осыпающийся столбик пепла, лица говорившего видно не было. – Иди к живым... Впрочем, если ещё немного посидишь, то можешь и не уходить...

– И если я не уйду?..

Фигура пожала плечами и отвернулась... Раздалась дивно чистая тягучая песня без слов... Незнакомец тянул всего несколько нот, но талантливо их сочетал...

На остывающем поле боя зашевелились мёртвые... Лётчик почувствовал, как сердце начинает биться всё медленнее... Захотелось лечь и уснуть...

Рядом поднялся убитый днём лейтенант и негромко приказал, ни к кому особенно не обращаясь:

– Становись...

Молча и неторопливо искорёженные солдатские тени построились в колонну.

«Надо выбирать, – понял лётчик, – либо с ними, либо сам по себе...» Почему-то он выбрал последнее и побрёл к смутно виднеющимся в темноте деревьям, не видя, как позади, сопровождаемые тягучей песней, колонна за колонной уходит в небо мёртвые солдаты...

В живот уткнулось что-то неприятно твёрдое...

– Стой! – зло прошептали, обдав запахом нечищенных зубов.

– Кажется, свой... – сообщили сзади.

– Точно свой... – первый голос подобрел. – Лётчик? Сбили? Ранен?

Отвечать не потребовалось.

– Ничего, браток, здесь все ранены, оружие в зубы и в строй!

«Как это, оказывается, хорошо, быть своим... Наверное, это и есть цель всей жизни?...»

Становясь в строй, лётчик сжимал в руках выданный автомат с заляпанным чем-то, кажущимся в ночи чёрным, цевьём и полупустым магазином... И строй был – безликий, невидимый, не шелохнувшийся...

– Солдаты! – внушительно прилетело из ночи. – Мы в окружении...

Никто не думал возражать, все слушали...

– И мы либо поляжем все до единого, либо вырвемся отсюда!.. Зубами будем грызть, но вырвемся!..

Дальше лётчик уже не слушал – он задремал в строю. Ему приснился странный короткий сон, будто он не лётчик, а сын бога, и что ему снится сон про сбитого лётчика, который спит и в свою очередь... В общем, там было много вложенностей.

Проснулся он от того, что кто-то сказал:

– Идём...

И они пошли...

Шли недолго, очень скоро бухнуло, засветилось ракетами, трассерами.

Рассыпались в цепь, завели монотонное, негромкое: «А-а-а!..», будто страдая от зубной боли...

– Мины!..

– Смыкаемся!..

– А-а-а!..

– Прорвёмся...

А потом он один шёл по дороге, на плече автомат без магазина, в голове пусто, сзади, далеко, что-то гремело, трещало. Под ногами асфальт, на обочинах деревья и разбитая техника...

Визжат шины, доносится ругань и ещё:

– Куда прёшься, как по тротуару?!

И лень оборачиваться, но его разворачивают. Какой-то детина, наверное, водитель, потому что невдалеке стоит и рычит двигателем машина. Фургон с красными крестами...

Водитель устаёт ругаться и неожиданно предлагает:

– Подвезти? – и сам же решает: – Подвезти! Садись в фургон...

Лётчик рад, что не нужно ни о чём думать, он следует приказу...

А в фургоне – стоны, запах гнили, рвоты. Раненые лежат чуть ли не друг на друге... И медсестра – молоденькая, симпатичная, но злая:

– Куда?!

– Пусть с вами поедет... И мне спокойнее, и вам...

Сестра отступает.

Лётчик пробирается в единственный более-менее свободный угол и садится там, сжавшись почти в комок... Опять накатывает сон, но уже не про сына бога... В этом сне рядом явственно проступает фигура в чёрном саване.

«Сидишь?»

«Да...»

«Ну и ладно...»

Из чёрной щели клобука чувствуется пристальный взгляд. Потом этот взгляд отдаляется, и шелестит, предупреждая, голос:

«Скоро опять буду петь...»

Лётчик просыпается и понимает, что что-то не так. И вот что – девушка плачет. Бессильно, беззвучно, глотая слёзы. Замечает проснувшегося лётчика и шепчет:

– Они все умрут!.. Зачем?.. Зачем?!

«Надо помочь... – решается кто-то внутри лётчика, – подойди к вон тому, с забинтованной головой...»

Умиравший паренек еле дышит, похоже, уже начинает отходить...

– Живи... – говорит лётчик, прикасаясь к бинтам.

– Не пожалеешь? – гремит божественный глас.

По-видимому, медсестра его тоже слышит, потому что вскрикивает и прижимается к стенке. Который из богов вмешался? Впрочем, ничуть не интересно...

– Чего?

– Бессмертия, с которым ты сейчас спрашиваешься...

Лётчик задумался, потом качнул головой:

– Нет, пожалуй... Ну, разве что потом, чуть-чуть... Самую малость... А что?

– Да так, ничего... – глас угасает. – Потом закончим...

Паренёк дёргается и приподымается на носилках.

– Я могу жить? – недоверчиво спрашивает он.

– Можешь... – разрешает ему лётчик... Впрочем, лётчик ли?

«Кто там следующий?»

И опять поле боя, только на этот раз берег реки.

По воде течёт нефть. Течёт и горит, создавая тревожное освещение. Опять бухают взрывы, безумно мечутся штатские, всюду кипит рукопашная... Рычат танки...

Танковый клин нарвался на противотанковое заграждение у переправы, и теперь уж кто кого... Стучат танковые пушки, им отвечают гранатомёты...

Лётчик стоит посреди поля боя совершенно безучастно, и каждый, натываясь яростным, разгоряченным боем взглядом на его неподвижную фигуру, теряется и застывает... Впрочем, бой не позволяет задерживаться...

...Танк закрутился, разматывая гусеницу, ткнулся в уже сгоревшую машину и задымил. Рядом, хлопая крыльями, опустился демон. Сложил крылья, огляделся и подмигнул лётчику:

– Ничего работка, а?..

Лётчик пожал плечами.

– Твоя?

– Что моя? – не понял демон.

– Ну, работка... – лётчик кивнул на поле боя.

– Ага, – весело согласился демон.

Люк на башне вяло дымящего танка распахнулся, и полузадохнувшийся танкист пополз наружу, судорожно за всё цепляясь и заходясь в кашле... Демон вытащил меч и, тщательно прицелившись, развалил танк вместе с танкистом пополам. Обломки тут же рванули...

– Ну как?..

– Дай посмотреть...

Демон протянул свой меч и удивлённо вскрикнул, когда тот со звоном сломался о колено лётчика.

– Как?! Зачем?!

– Ты не первый, кто задаёт мне этот вопрос...

– Я буду жаловаться! Боги так не поступают!..

– Это точно...

Лётчик усмехнулся и тут же осел, перечёркнутый осколком...

- Ты бог?
- Правда?
- Нет, я просто спрашиваю...
- С чего ты взял?..
- Ну... Людей лечишь... Наложением рук...
- Тогда точно не бог. Боги раздают благодати только на небесах...
- А кто же тогда ты?..
- Обыкновенный чудотворец...
- А-а...

В который раз ночь, тьма, колючая проволока и кучка ободранных людей, жавшихся друг к другу. Среди них двое в военном, остальные штатские...

«Я не бог, боги бессмертны... Я всего лишь раненый лётчик...»

Пробитое плечо ощутимо болит. Впрочем, плевать, недолго осталось...

Их никуда не уведут...

Ночное небо покоится, покоится и вдруг разрывается визгом бомб – проносятся стреловидные сгустки тьмы. Резкие вспышки встают то тут, то там. Штатские вздрагивают.

– Ты же лётчик, глянь, чьи это?..

– Свои...

Вспышки приближаются, очередной визг прямо над головой.

«Всё?»

Визг прерывается, наваливается тишина, тени небесных чудищ застывают неподвижно. Люди ахают – невысоко над землей, прямо над их головами висит бомба. Просто в воздухе...

– Твоё чудо?

– Нет, не его...

Опять тот же божественный глас. На этот раз вполне одушевлённый – какой-то старик в очках и потёртом костюме. Люди поспешно отсаживаются, с опаской поглядывая то на бомбу, то на старика...

– Я – бог войны...

«Смелое заявление, но я почему-то верю...»

– И что тебе надо?

– Да вот, посмотреть решил на тебя... И спросить...

– Давай...

– Ты отдал своё бессмертие. Зачем? Зачем нужны смертные боги?

– А бессмертные?

– Что?

Лётчик вздохнул.

– Люди давненько ищут смысл жизни, но так до сих пор и не нашли...

Боги древнее людей...

Бог войны задумчиво почесал переносицу, посмотрел на бомбу...

– Что ж... Я подумаю об этом на досуге... Попрощаемся?

– Опять сидишь?..

Шуршанием пепла осыпается голос, ночной темнотой чернеет саван...

Огромная воронка едва курится – много времени прошло, лежат останки тел вперемешку с колючей проволокой... Лётчик расположился у края, он ждёт, и тот, кого он ждёт, уже пришёл...

Незнакомец в чёрном саване сел рядом, тяжело легла в грунт коса...

– Я не буду петь, ладно?

– А что так?

– Устал... Пошли?..

– Ну пошли...

Лётчик встаёт, задумчиво произносит:

– Ты уводишь мёртвых людей?

– Несомненно... Я увожу их на небеса...

– Мне интересно, куда попадают мёртвые боги?

– Мне тоже...

Галина ГРИГОРОВСКАЯ

Рождество

(Отрывок из романа «Откровения Джонатана»)

Мы договорились встретиться у входа на продуктовый рынок. Вечером в конце недели, да ещё и в предпраздничные дни здесь было не протолкнуться. Ну, хотя бы уличная иллюминация немного разбавляла промозглость и слякотность нынешнего декабря. Руся уже направлялся в мою сторону, перебегая через дорогу, но почему-то совсем не со стороны остановки.

– Добрый вечер! – поздоровался он, приближаясь, а затем помахал в сторону рынка. – Мэраба, Салим!

– Ииякшамлар, Тамир аркадаш! – послышался из-за спины знакомый голос бородатого всегда чем-то обеспокоенного турка. Он подошёл к нам с огромным бумажным пакетом, который нёс в обеих руках. – О, гер Карл, да хранит Аллах ваши дни!

– Приветствую, Салим!

Наконец-то он оставил попытки выговорить мою фамилию, беспощадно коверкая каждый слог. Пусть уж лучше называет меня по имени.

Насколько я понял, Руся, пользуясь «связями», заказал Салиму собрать и вынести нам продукты. Я поспешил забрать пакет, оказавшийся довольно тяжёлым. Чуть погодя, из ворот рынка вывалилась шумная группа молодых турков. Они подошли к нам и, панибратски поздоровавшись с Русей, стали громко обсуждать что-то по-турецки, предлагая парню пойти с ними. Из всего галдежа, что производила молодёжь, я смог разобрать только «Бель данс» и «кадин». По-видимому, они звали Русю в одно из местных заведений, славившихся восточными танцами. Должно быть, эти ребята перебрались в Берлин совсем недавно и знают немецкий ещё очень плохо, если знают

вообще хоть как-нибудь. А тем временем, к нашей компании уже успел присоединиться Милан, приветствуя нас со своим неизменным чудовищным сербским акцентом, умудряясь при этом заглушить эмоциональные возгласы толпы. И тут я чуть не выронил пакет из рук, потому что Руся, отнекиваясь от предложения ватаги, сказал буквально следующее:

– Спасибо, но сегодняшнюю ночь я проведу вместе с этим мужиком и тремя его товарищами.

Когда я поднял на него глаза, он уже держал в руках книгу, на обложке которой был изображён портрет Ремарка, и надписью ниже: «Три товарища». И, может быть, пропустить эту глупую шутку и направить разговор в другое русло ещё как-нибудь и удалось бы, но тут Милан с полным серьёзности и тревоги выражением лица, выдал:

– Руся, бре, нельзя, не можно изменять для Карла, бре!

Он, конечно, славный малый, но такого понятия как «юмор» для него совершенно не существовало. От осознания творящейся вокруг несуразицы я немного пошатнулся. Может, поэтому или в продолжение дурацкого эксцесса, Руся приобнял меня за шею.

– Ничего, мы как-нибудь договоримся!

Компания парней, айкая, свистя и маша нам руками на прощанье, тем временем направилась туда, куда и решила пойти этим вечером. Я, совершенно не будучи религиозным, готов был молиться, чтобы только те турки действительно не понимали по-немецки.

– Что ты говоришь, салак! Сплетничать – гюна! Аптал! – изливался Салим на Милана. – Ай-я-йй! До скорой встречи, Тамир аркадаш, гер Карл! У нас ещё много работы. Пойдём, геледзекалл, ну что с тобой сделаешь?!

– Счастливый оставаться! Что я сказать, бре? Я беспокоить за наши друзья! Прекратить ругать меня, бре, курва стара!

– Одун сапык!

И они направились через рынок к своему прилавку, переходя на совсем уже непонятную никому, кроме них самих, смесь сербско-турецкого.

– Пойдём и мы домой, – сказал Руся, уже успевший спрятать книгу в сумку и забрать у меня продукты.

Мы пошли в сторону остановки. Я понемногу начал приходить в себя и ощущать острую потребность придушить одного наглого типа. Шутник хренов.

– Надо было бабу брать, ну там Мёрдок или Елинек, а то изменять тебе с Ремарком как-то жёстко, – никак не унимался раззадорившийся паяц.

– Знаешь, я, наверное, никогда к этому не привыкну. Не представляю, что они только о нас думают из-за твоих глупых, пошлых, провокационных шуток.

– Конечно, привыкнешь! А насчёт Салима и Милана. Да брось, это же старые добрые СаМи!

– Дело не только в них! Ты говоришь и вытворяешь всё, что хочешь, перед всем честным народом! Тебе то, бугаю, да ещё и русскому, конечно,

безразлично, даже забавно, как сегодня, например. А я ещё рассчитываю ходить на этот рынок. И со мной у местных, если им что-то не понравится, разговор будет короткий.

– Ну не злись, ты же знаешь, меня иногда заносит. Я не хотел, чтобы...

Голос его на последнем слове дрогнул, и повисло натянутое горькое молчание. Как дитя малое, честное слово. Ещё немного и разрыдается. Нет, разумеется, но всё же... Значит, говоришь, что привыкну, да?

– Слушай, Руся, можно тебя кое о чём попросить?

– Валяй, – отозвался он по-русски.

– Не изменяй мне сегодня. Лучше, уступи Ремарка мне.

– Чего? Это ты удумал изменить мне с Эрихом Пэтэровичем? Берега, что ли, попутал?!

Ну вот, как там говорится? Горбатого могила исправит?

– Я когда-то давно читал пару его романов, но этот – нет.

– А я перечитал «Три товарища» несколько раз, на русском, конечно, – продолжил он по-немецки. – Недавно увидел книгу в магазине, когда искал кое-какие материалы по научной работе. Сегодня вот добрался.

– Ты из книжного магазина пошёл на рынок?

– Ага. Думал сегодня приобщиться к оригиналу, так сказать.

– О чём этот роман?

Он немного замешкал с ответом.

– О дружбе, – послышался поникший голос. – И о любви, само собой.

– Интересно. Ну, серьёзно, дашь почитать?

– Нет.

Мне действительно было бы очень любопытно взглянуть глазами классика на те вещи, которые не случились в моей жизни. В его жизни тоже. Тем более, иметь такую дружбу, о какой он мне рассказывал – в лучшей русской традиции, да и мировой вообще. Ведь я даже ни с кем не разговаривал толком дольше нескольких минут, кроме как по работе. Так к чему такая категоричность? Можно ли нас назвать друзьями? Мы ведь не просто соседи? Мы рассказывали свои жизни друг другу, как на исповеди, вместе дурачились и работали над институтскими статьями, спорили до хрипа о немецких философах и их теориях, шатались по пабам и клубам целыми ночами напролёт. Он помог мне избавиться от издевательств Штефана как-никак, хоть и в своей идиотской манере. Так чего он теперь выпендривается? Словно боится. Стойте, правда, что ли? Боится, что я прочитаю книгу и не захочу назвать его своим другом? Ну что за детский сад?

– Руся...

– Да ерунда это всё, отстань, – попытался отмахнуться от меня, великовозрастный детина. В интонации его голоса я почему-то ощутил чувство вины и безмерную грусть. Мне так много хотелось сказать ему, но казалось, я не мог найти подходящих слов и даже – собраться с мыслями.

– Руся, прекрати! Я бы никогда не стал сравнивать чьи-то фантазии про идеальные отношения, или что он там понаписал, и реальные

отношения настоящих людей в нашем сложном мире. В безнадежном мире. И я бы точно не отвернулся от своего друга, каким бы особо одаренным он ни был, потому что он – мой друг, – тут я не выдержал и остановил его, схватив за руку, и повернул к себе. – Ведь дружить, это не кружку пива выпить, это, как у вас говорится, пуд соли вместе съесть.

Я хотел видеть его глаза, хотел удостовериться, что он меня понял. Это всё было так, но такого выражения его лица я ещё ни разу не наблюдал за всё время нашего знакомства. Для меня вдруг открылся совершенно новый спектр нехарактерных для него эмоций: начиная от изумления, открытости, даже ранимости и смущения, до благодарности, радости и благоговения. Если только я не напридумывал ничего такого себе. Я стал счастливее на целую жизнь.

– Ладно, я понял. Пойдём уже, – пробормотал мой странный русский друг, погружаясь в задумчивую светлую грусть.

Я запомню сегодняшний день именно таким – серым от туч и морозящего дождя за окном, морковно-апельсиновым уродливым штруделем с корицей, особенно сильным хвойным ароматом и бархатистым смехом. Сочельник. Вечер рабочего дня. Последний раз, когда мы ставили рождественскую ель, остался далеко в детстве, когда мы были все вместе: папа, мама, Макс и я. Моя семья. А в последние годы мы с братом так и вовсе никак не отмечали эти дни. Да и теперь я не рассчитывал на исключение. Макс вообще предпочёл уехать на некоторое время. В прошлом году Руся взял меня с собой праздновать в пабах. А вчера он сказал, что хочет, чтобы я показал ему традиционное немецкое Рождество, ведь прошлое – вышло очень даже интернациональным. Записной враль. Он сделал всё, чтобы не оставить от традиций и камня на камне. Зато было весело, ему так точно. Ладно, мне тоже, а ещё – ужасно неловко, глупо, волнительно и тепло.

О каких традициях тут вообще могла идти речь, когда весь декабрь был безвозвратно потерян. Венка со свечами у нас не было в принципе, а поставить, как он говорит «Ёлку», мы конечно уже не успели. Но этот ушлый пройдоха раздобыл у СаМи по обыкновению очередной «контрафакт» – несколько разлапистых веток, на мой взгляд – сосновых. Данный «натюрморт», помещённый в горшок, был водружён на комод, перенесённый к дивану в холле. Небольшая комната быстро наполнилась запахом хвои, смолы и древесины. Мне даже сделалось дурно, но, на удивление, приступ прошёл довольно быстро. Украсили мы это чудо, нет, не игрушками, которых у меня отродясь не водилось, а различными канцелярскими принадлежностями: скобками, скрепками, резинками. Под венок он приспособил зелёную мишуру, а свечи поставил купленные в ортодоксальной церкви, где мы недавно были, длинные, тонкие, восковые, которые и были сразу зажжены. И кагор, приобретённый там же, подогретый с гвоздикой, корицей и имбирём, самым чудесным образом превратился в глинтвейн. Хорошо ещё я вспомнил захватить анисовые пряники по дороге домой.

Все остальные маленькие штрихи наших обычаев, собирающие тончайшие нити рождественского духа в единое полотно, не были соблюдены. Не было ни адвент-календаря, ни украшений, которые развешивают по всему дому, ни стола для подарков, как и их самих. Я уже не говорю о других мелочах. А впрочем... Отец всегда был настроен крайне атеистически и, не будучи приверженцем бесполезных, по его мнению, традиций, запрещал нам праздновать Рождество. Единственное послабление, которое мама сумела выторговать у мужа, не гнушаясь использовать для достижения своей цели малолетних детей, брата и меня, это – рождественская ель и штрудель рецепта ещё её прабабки. Присыпанный сверху корицей, он имел какую-то оранжевую начинку – то ли тыквенную, то ли морковную – я так и не смог вспомнить.

– Знаешь, это совсем не вопрос, – подбадривание Руси прозвучало слишком самоуверенно. – У нас есть только морковь!

– Тогда всё ясно. Выбора у меня нет.

– Не надо думать обо мне так плохо. Вот тебе выбор – морковная начинка или морковно-апельсиновая.

– Шикарный выбор!

– А-то!

– Тогда, морковно-апельсиновая!

– Так точно, кэп!

– Ты серьёзно?

– А, похоже, что я шучу?

– Надеюсь, мама бы меня простила, если бы была жива.

– Конечно, нет! Ну, судя по тому, что ты рассказывал.

– Тебе вообще знакомо такое понятие, как «тактичность»?

– Не-а.

– Давай уже начнём замешивать тесто, а то не управимся до самой Пасхи.

И мы занялись приготовлением штруделя. Это была совсем не простая задача, ведь я никогда раньше не готовил ничего подобного. А тут ещё и один гиперактивный весельчак и недотёпа совсем не помогал чёткому следованию рецепту, хоть и не совсем семейному. Нет, я не просто был чрезмерно ворчлив сегодня. Я цеплялся к каждой мелочи и упрекал его в неуклюжести, а Руся только отмахивался ото всех претензий и смеялся. Негромко. Мягко. Бархатисто.

Когда мы завернули тесто с начинкой в какое-то подобие десерта и поставили томиться в печь, я поведал моему усердному помощничку о тех блюдах, что не будут поставлены на наш праздничный стол, в том числе марципаны, печенье с предсказаниями, штоллен и гвоздь программы – запечённый с яблоками гусь.

– Да, гуся, пожалуй, не будет, ведь мне удалось раздобыть только куриные окорочка. Пусть они будут рождественским гусём! С апельсинами. Не запечёнными. И с парой-тройкой салатов.

– Да, чёрт с тобой! И так уже какой-то карнавал в цыганском таборе получается, а не традиционное Рождество.

– Брось драматизировать! Мы же в Германии, значит Рождество – немецкое. А традиции, знаешь, иногда появляются и новые.

– Как скажешь, – мне показалось, я понял, что он пытался мне сказать. – Как ты проводил Рождество?

– Как и все, – Руся пожал плечами. – Это ведь большие каникулы, так что мы отдыхали от школы и института, дурачились, развлекались, доедали салаты, оставшиеся ещё с Нового года. Как-то так.

Он с неохотой говорил об этом, и я не стал расспрашивать больше.

– Я сейчас приготовлю отпадный маринад, и мы замочим в нём мясо на всю ночь. А утром останется только довести до кондиции. Получится – просто пальчики оближешь! Ну, не стой без дела, начинай чистить чеснок!

И мы погрузились в суету новых приготовлений. За окном уже совсем стемнело, и только промозглый морозящий дождь стучал по оконному стеклу. Сегодня он не забирался внутрь мыслей и настроения, не сковывал тело холодом изнутри. Сегодня он имел право на существование.

Из духовки сильно запахло, и повалил белый дым. Я поспешил достать начавший уже чернеть десерт. Выглядел он не лучшим образом – местами подгоревший, местами провалившийся, местами вздувшийся. Я поставил противень на плиту и крепко задумался над тем, как исправить ситуацию, стоит ли её вообще исправлять, или просто выкинуть это безобразие без суда и следствия. Тягостные размышления прервал иронично-восторженный возглас Руси:

– Ого, первый блин вышел комом! Точнее, рулет – рыхлой головёшкой...

– А кто этому самым непосредственным образом поспособствовал?

– Ну, я же не нарочно!

– Даже если это и так, но ронять пачку разрыхлителя в тесто всё-таки явно было лишним!

– Прости-прости, – говорил он, давясь от смеха. – Я честно вытащил из месива всё, что сумел.

– Оно и видно, – никак не мог перестать бубнить я. – Что это ещё такое?

Он, переложив наш кулинарный изыск на тарелку и поставив на стол, зачерпнул десертной ложкой рыхлую неоднородную плоть подпалённого теста, пропитанную апельсиновой мякотью, и протянул мне.

– Что? Я всего лишь хочу, чтобы ты попробовал.

– Я и сам могу.

– Нет. Если эта недокаша окажется смертельной отравой, тогда получится, что я убью тебя. Это будет уже не самоубийство или несчастный случай. Я стану твоим убийцей, – он говорил всё это с хитрым прищуром, покачивая ложкой.

– Смерти моей хочешь?

– Нет.

– Тогда твои слова не имеют смысла.

– Просто ты никогда не ищешь смысла, отличного от твоих ожиданий или представлений. Я вот вижу смысл и в словах, и в действиях. Смысл можно найти и в жизни, и в смерти.

И снова этот пронзительный взгляд. И снова он заставил меня чувствовать себя дураком.

– Давай сюда, смыслы у него, – и я зажевал кусок штруделя с протянутой ложки. – А на вкус – не так уж и плохо!

– Ну, вот и отлично!

С этими словами Руся отрезал от самого удачного места, прямо из середины рулета.

– Что ты делаешь? Нельзя же так! Эй!

– Мне можно, мы, пролетарии привыкли так, что плохо лежит, а в данном случае, хорошо, – руками, а ты – кушай с краешку и ложечкой, буржуй аристократический!

– Хватит нести чушь! Нашёл буржуй и аристократа, может быть, и попролетарийстее некоторых буду! – Вот заноза! Опять насмешается надо мной.

Он уже поднёс кусок ко рту. Как же меня всё это разозлило, и я сам не успел понять, как рванулся вперёд и откусил большую часть ломтя прямо перед его носом.

– Ах, ты, пролетарийстый воришка, смотри не подавись, – удивление его быстро сменилось ехидным весельем. Тогда как я, давясь слишком большим куском, чтобы прожевать или проглотить, пребывая в недоумении от самого себя, был не в силах думать о том, как выйти из затруднительного положения. Но, немного погодя мне всё же удалось справиться с удушающим комом. Переводя дыхание, я заметил, как Руся хохочет чуть ли не до слёз. – Смотри-ка, ещё и весь вымазался.

Теперь уже он рывком приблизился ко мне и слизал морковно-апельсиновую начинку, размазанную по подбородку. Просто слов нет. Даже не хочу представлять своё лицо в этот момент.

– Боже, твоя реакция бесценна! Ха-ха! Ааа-аха!

– Да ну тебя! – Всё, что я сумел выдать из себя, причём по-русски, и ушёл в комнату.

В рождественское утро я позволил себе полежать в кровати немного подольше, хотя проснулся по обыкновению рано безо всякого будильника. Руся уже встал и гремел посудой на кухне. По-видимому, он ставил в духовку заготовленного вчера «гуся». После утренних процедур я вышел в холл, устроился на диване, подальше от импровизированной «ёлки» и стал ждать. За окном бледно-серые, почти белые тучи, казалось, так и норовили упасть на будто бы насупившиеся спросонья, безлюдные улицы. И только завывавший в щелях оконных рам ветер взмывал к лениво наползающей угрозе и толкал её прочь от своего земного пристанища.

Тем временем Руся, перемахнув через спинку дивана, устроился со стороны веток и всё тем же весёлым тоном начал разговор.

– Утречка! С Рождеством!
– Доброе утро. И тебе счастливого Рождества!
– Через двадцать минут «гусь» будет готов, свеж, румян и горяч. Хотя – возможны варианты! Но, мы ведь не позволим почти гусиным ножкам повторить судьбу вчерашнего штруделя?

– Ага.
– Эй! Что такое? Где твоё праздничное настроение?
– Ты знаешь, я не привык к праздникам.
– Пару раз в год можно и постараться, с тебя не убудет.
– Да, конечно. Но я беру пример с тебя, быть собой в любой ситуации, выражать свои истинные эмоции и всё такое.

– Ладно, уел. Молодец, а ты растёшь на глазах.
– А вот это был сомнительный комплимент из твоих уст.
– О, этот тонкий немецкий юмор, можешь не стараться, я оценил, – ну когда он уже перестанет ехидничать. Я уже было начал раздражаться, но, словно почувствовав это, хитрый прощелыга быстро сменил тему. – Раз уж Рождество наступило, ну и в продолжение традиций... Короче, у меня есть для тебя подарок.

– А у меня – нет! Об этом речи не шло. Не стоит!

– Ты уже сделал мне подарок. Так что...

– Я ничего тебе не дарил!

– Хотя ты и не дарил ничего вещественного, но зато показал мне забав... сказочное немецкое Рождество. Да, можно сказать, Рождество вообще. У вас же это семейный праздник, поэтому не думай, что я только и хотел посмеяться или поиздеваться над твоими стараниями. Ну, не умею я по-другому выражать то, что на душе. Это было очень заботливо с твоей стороны. Спасибо.

Он вытащил из тумбы под «ёлочкой» уже знакомую книгу, перевязанную лентой, и протянул мне.

– Спасибо. Я всё-таки сделаю тебе подарок. Я прочитаю книгу, но изменять тебе не буду, – теперь, я надеюсь, он точно оценил мой тонкий немецкий юмор. – Боже, твоя реакция бесценна.

– Да ну тебя! – отозвался смущённый Руся и вышел из комнаты.

А я развязал бант, открыл книгу и сразу же, на обратной стороне обложки увидел надпись: «Геру Вайссергроссу от, должно быть, самого худшего, да и друга ли вообще. С самыми искренними сожалениями и самыми глубочайшими раскаяниями, с безнадежными попытками когда-нибудь исправиться и с желанием отчаявшегося безумца когда-либо получить прощение. Навсегда Ваш Рустамир Хабибулатович Абдурахмулин».

Лесная ловушка

(Из сказки «Повесть о том, как Ян с компанией город спасал»)

Утро выдалось солнечным, ясным. Звонкие птицы устроили соревнование, чтобы раз и навсегда выяснить, кто из них громче и радостнее встретит солнце. Свежая, покрытая росинками трава блестела и пахла изо всех сил. Хотелось забросить все дела, смотреть и вдыхать этот запах, вдыхать и смотреть, и ещё слушать утро. Но утро звало. Звало сначала умыться, потом – к завтраку, и дальше, дальше, через весь этот яркий летний день, по лесным тропинкам, к прохладному уютному вечеру, спокойной ночёвке. Наши путешественники подчинились с радостью. Быстренько перекусив, они свернули лагерь и снова отправились следом за волком.

Сначала шагать было очень весело. Тропинка послушно стелилась под ноги, а перелески спасали от раннего зноя. Но постепенно жара усилилась, и всем уже хотелось уйти поглубже в лесную прохладу. Как будто отвечая их желанию, весёлые лесные опушки и полянки сменились тёмным еловым лесом, а тропинка совсем потерялась среди густого кустарника. Идти становилось всё труднее. Деревья росли тесно и густо, колючие еловые ветви почти совсем скрыли небо. Сырая прохлада и жутковатая тишина окружали их. Не было ветра, солнца, весёлых птичьих голосов. Молча и равнодушно глядели вниз тёмные ёлки. Путешественники приуныли, умолкли и шли всё медленнее.

Волк, который иногда исчезал впереди и возвращался, разведав дорогу, вдруг забеспокоился. Он немного отбегал вперёд, оглядывался, скулил, как будто торопил путников. Но прибавить шагу казалось невозможным: деревья всё гуще заплетали ветвями тропинку. Наконец волк сел у огромного дерева, стоящего посреди весёлой зелёной полянки, и громко завыл. Все бросились туда, проламываясь сквозь густой кустарник. Под деревом мягкая трава казалась совсем не тронутой, но из неё торчали две небольшие, заросшие золотистой шерстью ноги, примерно от колена скрытые землёй. Пальчики тихонько подрагивали. Ох, ни себе чего! Кто же там торчит?

– Осторожно! – закричал Ян. – Это же древесная ловушка! Не наступайте на траву возле дерева! Мяврик, помогай!

Он снял с Айка витой плетёный пояс, намотал его на руку и начал подползать к дереву. Вдруг трава расступилась и молча пропустила в себя его руки, а потом голову, спину... Дышать стало трудно, в нос забивалась земля, в ушах стучало, страх леденил душу, а перед глазами вдруг поплыли полянки, тропинка... Но руки уже дотянулись до талии незнакомца, быстро обвязали и затянули пояс. Ян закричал, но крики глушила земля. Тогда он изо всех сил задрогал ногами. Ноги схватили там, на поверхности, и начали осторожно вытягивать. Вскоре над коварной зеленью показалось перепачканное лицо Яна. Обеими руками он держал пояс, конец которого уходил под землю.

– Ну вот, я, кажется, завязал его в районе талии.

– А... кто там? Кому завязал-то? И что за района такая талия? – со страхом спросил Айк.

– Сползай, сам посмотри, кому! Да какая тебе разница? Не видишь, человек в беду попал? Значит, выручать будем!

Тем временем Айла с трудом дотянулась, обмотала ноги мягкой тряпкой и крепко перевязала верёвкой.

– Давай тащить, Мяврик! – сказала она. – Ты, как самый сильный, за пояс, а мы все за эту верёвку. Только тихонько и плавно. Взялись! Потяну-у-у-ли...

Медленно-медленно, неохотно-неохотно выпускала своего пленника земля. С треском рвалось что-то в глубине, и оттуда иногда доносился тихий, как во сне, стон. Наконец показались плечи, голова, за ней вытянулись две руки, перепачканные землёй. За руки цеплялись тонкие белые корни, они натягивались и рвались один за другим. Лицо было особенно грязным, а изо рта тоже торчал пучок белых перепутанных, как червяки, корней. Это было... страшновато, жутко как-то. Мальчишки притихли, а Айла осторожно вытасила и отшвырнула корни, обтёрла грязь на лице незнакомца и сказала:

– Надо отнести его к ручью, напоить и обмыть.

Мяврик подхватил несчастного, и все побежали к ручью. Грязь с него текла долго-долго, Айла ласково обмывала лицо и ярко-рыжую шерсть. Наконец глаза незнакомца открылись, захлопали густые ресницы. Вот это были глаза! Большие-большие, густого синего цвета, они испуганно бежали всех и остановились на Мяврике. Улыбка тронула мокрое лицо, и глазки облегчённо закрылись. Все заулыбались и заговорили разом. Пострадавший был вынесён из ручья и уложен на пригорке, обсыхать. Мяврик уселся рядом – оберегать и ободрять. По случаю счастливого спасения устроили очередной привал и развели костёр. Ян легко наколдовал свежего хлеба, Айла достала остатки домашней колбасы, вскоре вскипел и заварился чай с душистыми травками.

– Мяврик, зови его к костру, у нас всё приготовилось уже! – закричал Айк. Мяврик, который о чём-то тихо беседовал с незнакомцем, поднял серьёзное лицо.

– Не его, а её, это девочка. Она вас пока стесняется. Налейте того отвара, что баба Гунна с собой дала, и отрежьте нам хлеба с колбаской.

Подошёл, забрал и снова ушёл к спасённой. Оттуда опять послышался тихий разговор. Нетерпеливый Айк прямо сгорал от любопытства, что же это за девочка, но Айла велела не беспокоить. Путешественники много прошли с утра, поэтому с удовольствием вытянули усталые ноги и отдыхали, слушая негромкий переплеск ручья. Айк начал какую-то смешную историю, тут к ним подошёл Мяврик.

– Ну, что там? – все сразу повернулись к нему.

– Уснула, замучилась совсем. Она из рода лесных людей, но дальних, которые к городу от нас отселились.

– А что же она в древесную ловушку влетела? Уж лесные-то люди их наперечёт знают? – удивилась Айла.

– Говорит, нарочно прыгнула, гнался за ней кто-то. А кто – не говорит, боится... тётя Айла, наверное, мы здесь заночуем, да? Вот и ручей так кстати...

– Пусть девочка немного поправится, – сказал Ян, – я же не баба Гунна, вылечить не смогу...

– Да, встанем здесь на ночь. Все наелись? Ставьте палатку и отдыхайте.

Вскоре лагерь стал похож на сборище лентяев. Айк и Мяврик завалились подремать на солнышке, рядом с ними уснул волк. Ян задумчиво полоскал в ручье усталые ноги, и только Айла стирала что-то, тихонько напевая. Вдруг из густого кустарника медленно вышел лесной человек. Он был взрослым, густая седая шерсть красиво переливалась морозными бликами на его плечах. Незнакомец низко-низко поклонился Айле. Потом подошёл ещё немного и опять поклонился.

– Здравствуйте, уважаемый! Присядьте к нашему костру! – ласково сказала Айла.

– Вы очень добры, госпожа! – в его голосе было удивление. – Осмелюсь спросить, что привело вас в эту отдалённую часть леса?

– Мы с ребятами идём в сторону города, по своим делам.

– Простите мне моё любопытство, а откуда вы идёте?

– Наша деревня называется Яблоко, – простодушно ответила Айла. Лесной человек облегчённо вздохнул, большие сильные руки расслабились.

– А я подумал, что вы фермеры...

От ручья послышались шаги – это подходили к костру Ян и Мяврик. Увидев их, гость испуганно вскочил и снова стал кланяться, а Мяврик радостно закричал:

– Дядя Леон! Это же вы, я вас узнал! Садитесь сюда, расскажите, как там ваши?

– Тише, Мяврик, тише! – испуганно зашептал Леон, часто кланяясь. – Как ты разговариваешь? Тебя же строго накажут за такой тон! Молодой господин, наверное, великий колдун и мудрец! – робко поднял он на Яна глаза. – Прошу вас, не сердитесь на неразумного слугу, он ведь ещё так молод и глуп!

Ребята удивлённо переглянулись, и Ян ткнул Мяврика локтем в бок:

– Слышал, как этот дядюшка тебя кличет? Извините, уважаемый Леон, но этот парниша – мой друг, прошу не обижать его. А слуг здесь нет.

– Как будет угодно молодому господину.

– А господ нет и подавно! – начал закипать Ян.

– Дядя Леон, вы и вправду что-то не то говорите... вспомните, когда вы от нас со своей семьёй уезжали сюда, вы так не говорили... – растерялся Мяврик.

И вдруг Леон подошёл и обнял его.

– Мальчик мой! Мяврик, как же я рад тебя видеть! У нас столько всего произошло, а у вас в лесу ничего не изменилось? И эта славная женщина,

и ты – не слуги молодого гос... ой, простите, не знаю как вас и назвать-то... Как я рад, как рад... – на глаза Леона навернулись слёзы.

– Присядьте, уважаемый, попейте чайку, успокойтесь. Здесь вам бояться нечего, – пригласила Айла, – да и расскажите-ка нам, что вы ищете в этом лесу?

– Я ищу свою внучку, но, наверное, напрасно. Боюсь, что она попала в лесную ловушку. Её следы обрываются там, у коварного дерева, вы его видели, там много и ваших следов... Наверное, её уже нет в живых... Маленькая рыжая девочка нашего племени, такая умненькая и добрая... – он опустил голову.

Все заулыбались, а Айла взяла его за руку и молча повела туда, где спала спасённая ими девочка. Увидев спящую малышку, он подбежал, опустился на колени и обнял её. Девочка проснулась, узнала Леона, и её синие глаза засияли такой радостью, таким восторгом! Она крепко прижалась к его груди, зарывшись носом в густую седую шерсть. Встретились два родных человека, которые уже не надеялись когда-нибудь увидеть друг друга. Все зашмыгали носами – это было так здорово! Даже у Яна, который многое успел повидать в жизни, подкатили к глазам слёзы. Он быстро отвернулся, и, чтобы никто этого не заметил, пошёл за дровами, а когда вернулся, то все уже успокоились.

Леон и Рыжик (так звали девочку) сидели у костра с кружками чая, а Айла и Мяврик рассказывали им о своём походе. Внимательно выслушав их, Леон долго молчал.

– Да, уважаемые, – наконец сказал он, – зря вы всё рассказываете первому встречному, ваше путешествие из-за этого может затянуться, а может стать очень опасным. Дело в том, что за последние пять лет в городе и вблизи него страдают не только волки. Горожане как будто сошли с ума – они уничтожают леса вокруг, убивают животных, роют другие, неправильные русла рек, и реки мутнеют и мелеют. Воздух над городом теперь вызывает кашель, а вода в реках совсем невкусная. Все кто мог – уже улетели и убежали от города. А лесные люди... Мы – я и моя семья – давно хотели поселиться здесь, а вышли из родного леса около трёх лет назад. На нашем большом семейном совете решили, что детям нужно знать культуру и язык людей, дружить с ними. Мы радостно шли по лесу, представляли себе, как устроимся на новом месте. Вдруг нас окружили люди с неведомым оружием. Сначала они были вежливыми, объяснили нам, что жить в лесу так, как жили наши деды и прадеды, больше нельзя. Что отныне мы будем работать вместе с людьми, на фермах, и помогать им вести хозяйство. Конечно же, мы согласились. Наши народы дружат очень давно, обмениваются разными продуктами и товарами, и польза от обмена всегда была общей. Мы уважали людей, а они всегда были добры к нам. И мы подумали, что людям нужна помощь лесного народа... но им были нужны наши умелые руки, все наши силы, то есть им были нужны рабы. Нас загнали в сарай, под угрозой оружия

разделили, надели ошейники и развезли по фермам. Где сейчас мои жена, дети и другие внуки – не знаю. Я с Рыжиком попал к жадному и злобному хозяину, он плохо кормил нас, а спать позволял совсем мало. Мы ухаживали за его молоканками, вдвоём за огромным стадом. А вчера хозяин вернулся какой-то странный, накричал на свою дочку и побил Рыжика, ни за что... а ведь она ещё маленькая, да и вообще... – голос Леона задрожал от обиды. – Моя девочка не вынесла этого и ночью убежала.

– А почему же вы не ушли обратно, в наши леса? – спросил Мьярик.

– На нас сразу же надели волшебные ошейники. Вот, – он показал прочный ошейник с какой-то коробочкой вместо пряжки. – Если лесной человек убегает, то за ним сразу идёт отряд людей со странным оружием. От них нельзя скрыться, наверное, ошейник как-то выдаёт убежище. Его нельзя снять – все, кто снимал, умирали в течение суток. Вот почему моя девочка бросилась в древесную ловушку. А меня хозяин послал найти и вернуть её, потому что за вызов охранников, которые ищут беглецов, ему пришлось бы платить. Когда мы вернёмся, ей придётся несладко...

– А от чего умирает тот, кто снял ошейник? – спросил Ян.

– От слабости. Мне кажется, что ошейник даёт нам силы: мы стали меньше спать и больше работать. Но когда его снимают, то слабеют с каждой минутой.

Ян наклонился над ошейником Леона. Так, в коробочке, наверное, обычный радиомаяк. Он излучает радио- или ещё какие-нибудь волны, которые можно уловить прибором на расстоянии. Значит, надо закрыть, укутать коробочку во что-то, не пропускающее волны. А что можно надеть в лесу, чтобы надёжно задержать любые волны? Ёлы-палы, все эти четыре года он не ходил в школу, а обучался волшебству творения у старой колдуньи Гунны! Там, в прежнем мире, он бы обязательно нашёл ответ! Может быть, попробовать испортить прибор? А вот снимать ошейники надо не здесь, а в домике у бабы Гунны, старушка обязательно вылечит, не даст ослабнуть и умереть. Пусть пока Леон идёт в ошейнике, быстрее дойдёт, но как же заставить эти дурацкие коробочки замолчать, не подавать сигнала?

– Дядя Леон, а ты можешь вернуться и сказать, что Рыжик утонула в ловушке?

– Сказать-то я могу, но хозяин обязательно придёт сюда, чтобы убедиться. И если сигнал от ошейника будет идти из древесной ловушки... что ты задумал, мой мальчик?

– Но ведь мы уже вытащили её разок! Давай сделаем, как будто не вытащили, будто она утонула?

Рыжик вдруг задрожала и тихонько заплакала. Её синие глазищи умоляюще уставились на Яна: она не хотела обратно под землю.

– Глупенькая, никто тебя туда не отправит. В ловушку полетит твой гадкий ошейник! И пусть он оттуда пищит хозяину, что ты исчезла навсегда и больше не вернёшься на ферму!

– А как же...

– Придётся рискнуть, дядя Леон. У нас есть волшебный отвар, который дала моя бабушка. А она – неслабая колдунья! Мы уже давали Рыжику попробовать, после ловушки её сильно плющило, а попила – и как огурчик! Должен отвар помочь и от ошейника избавиться! Хочешь слинять с фермы?

– Очень! – пискнула она и спряталась за широкую спину дедушки. Ян вытянул её за руку, усадил и склонился над ошейником.

– Айк, дай-ка ножик. Ой, а коробочка-то на шурупчиках, прям как в бывшем моём мире... славненько... а вот и пряжка под крышечкой. Всё, теперь глотай отвар, побольше, побольше... а я пока шурупчики обратно закручу. Ну, как? Голова мохнатая не кружится? Рыжие коленки не дрожат? Вот и хорошо. А теперь пошутим над твоим хозяином...

И Ян с ошейником в руках зашагал к древесной ловушке, по дороге привязывая к нему тонкую верёвочку. Вся компания устремилась за ним. Подойдя к ловушке, мальчик что-то пошептал над ошейником и кинул его в зелёную травку у коварного дерева. Утяжёлённая заклинанием, коробочка потянула ошейник вниз, под землю. А верёвочку он старательно упрятал в траве, привалив кончик тяжёлым булыжником.

– Дядя Леон, а ошейник может под землёй испортиться? – спросил он.

– Вообще-то он воды боится. Нас на ферме предупредили, что ошейники мочить нельзя. Наверное, до утра поработает и испортится, а что?

– Тогда тебе сейчас надо вернуться, сказать, что Рыжик в ловушке. Пусть хозяин поскорей это просечёт. А потом ты сумеешь снова прийти сюда? Может быть, я и с твоей коробочкой поколдую.

– Спасибо вам, молодой гос... спасибо тебе, Ян! Даже если у тебя с моим ошейником ничего не получится, за внучку мою, за её жизнь молодую, свободную... – и Леон отвернулся, скрывая слёзы.

– Да, может, и впустую всё... – пробурчал смущённый Ян. – А ты эти леса хорошо знаешь? Ну, погоню можешь с хвоста стрясти? Если без ошейника?

– А без ошейника, мой мальчик, я стрясу кого угодно. Смотри...

Леон шагнул всего два раза, каким-то длинным, совершенно бесшумным шагом, и вдруг его массивная фигура растворилась в лесном сумраке, слившись с седыми ветвями елей. Тянулись минуты тишины... все напряжённо всматривались и вслушивались, только Мяврик и Рыжик улыбались, гордясь своим дедом и сородичем. Первым не выдержал Айк.

– Дядя Леон, ну хватит нас уже напугивать! Всё равно же вы тут где-то! Чур-чурашки, не игрушки, вылезайте уже! – испуганный голосок растерянно смолк. И вдруг прямо перед ними сверху обрушилось большое, лохматое... это Леон спрыгнул с ветки, нависшей над их головами.

– Вот как у нас делается! Здорово, дядя Леон, – восхищённо сказал Мяврик, – я так ещё не умею!

– Если всё получится, обязательно научу, и не только тебя, ребят тоже. А сейчас мне, наверное, пора. Придётся за тебя потерпеть гнев хозяина, рыженькая! Ну, ничего, надеюсь, это в последний раз. Хозяин придёт часа

через два, вон с той стороны, спрячьтесь пока хорошенько и уничтожьте все следы. Удачи вам...

И он снова растворился в лесу.

– Ой, давайте-ка скорее искать, где мы запроемся! – засуетился Айк.

– Ну, нет, тебя-то первого и найдут, такого рыжего, – возразила Айла, – надо всем отойти подальше, а кому-то одному спрятаться и посмотреть.

– Я на дерево залезу, – вызвался Ян.

– Лесной человек лучше управится... – тихонько сказала Рыжик, и все посмотрели на Мяврика.

– Конечно, чего там! – застенчиво улыбнулся он. – Только надо сначала наши следы здесь все убрать. А уж наследили мы...

И все дружно принялись за дело. Палатка была свёрнута, угли закопаны в ямочке, а горелая земля под ними прикрыта свежей травой. Потом все отошли и затаились за густыми деревьями, а Мяврик затёр еловой веткой следы у ручья, оставив только большие отпечатки Леона. Прибежал волк, уселся напротив, пристально посмотрел ему в глаза. Мяврик кивнул, потрепал волка по затылку, и быстро-быстро залез на дерево. Волк убежал.

Вдруг послышались шаги, и на поляну, тяжело отдуваясь, вышли три человека. Один был стар и очень худ, он брёл, устало приволакивая ноги. А другой – в теле и среднего возраста, он почти бежал вперёд и нетерпеливо возвращался, ругая седого. Следом за ними плёлся Леон. Его голова и плечи были уныло опущены, казалось, что горе сломало, скрутило мощного лесного человека. Его хозяином, скорее всего, был тот, что помоложе. Он громко ругался, грозил вызвать охранников и сдать куда-то Леона, а тот только молча смотрел себе под ноги.

Старик принялся водить каким-то аппаратом с большой антенной над ловушкой, неодобрительно качая седой головой. Наконец он распрямился и что-то угрюмо буркнул. Леон вскрикнул и прикрыл руками глаза. Хозяин охнул, замолчал, встал на край ловушки, почесал лысеющую голову. Потом резко развернулся и зашагал обратно. За ним понуро побрели Леон и старик. Немного выждав, Мяврик присоединился к друзьям.

– Видали, видали, какой он противный, этот хозяин! – кипятился Айк. – Как он на нашего Леона-то орал!

– А Леон молодец, – негромко сказала Айла. – Лесные люди совсем почти не умеют притворяться, как же он смог для своей родимой?

– Да разве в рабстве чему хорошему научишься... – негромко и грустно сказала Рыжик. Айла обняла её и усадила рядом с собой на травку.

– Эй, люди, а что же мы здесь топчемся, как кони? – Ян так и подпрыгнул от весьма неприятной мысли. – Ведь любой дурак может просечь по следам, что Рыжику кто-то помогал. Давайте-ка снова следы заметать! Снимайте обувь и шуруйте вверх по ручью, я вас сейчас догоню. Мяврик, а Леон сможет нас без следов найти?

– Спрашиваешь! Он был лучшим в наших лесах! Он тебя даже по запаху отыщет!

– Ну, раз так... займись, пожалуй, следами, а я сейчас... – Ян сбегал к древесной ловушке, вытащил ошейник за верёвочку и тоже шагнул в ручей. Мясрик, что-то ворча под нос, снова взялся за ветку.

Когда позади осталось несколько поворотов ручья, они вылезли наконец из воды на каменистый бережок и присели отдыхать и дожидаться Леона. Рыжик сказала, что хозяин, экономя на еде, всегда отпускал их вечером пожевать травы. Разводить костёр побоялись, но неплохо перекусили какой-то ранней ягодой и хлебом. Потом Мясрик и Айк задремали на солнышке, Рыжик жевала травку неподалёку, а Ян и Айла склонились над ошейником.

– Понимаешь, тётя Айла, он и волшебный и простой, как будто из двух частей. Я это чувствую, но не знаю, как объяснить. Ошейник придаёт силы, как отвар бабы Гунны, даже когда я просто держу его в руках. А вот сигналы от него не волшебные, обычные какие-то... сейчас, сейчас... – бормотал он, снова раскручивая шурупы на коробочке.

– Давай-ка мне эти мелконькие, Ян, – Айла осторожно опустила шурупчики на расстеленную тряпочку, – а то ещё в траве затеряются.

– Ой блин, пардон, тётя Айла, смотри! Ведь это же штучка из моего, ну то есть бывшего моего мира! Теперь я знаю, как этот сигнал выключается. Опаньки! – и на тряпочку легла пальчиковая батарейка.

– Ты молодцовский молодец, конечно, – Айла потрепала его по слегка отросшей шевелюре. – Но вот интересно, каким пардоном ты меня обозвал, и при чём здесь блины?

– Ой, прости, я не нарочно, это от радости вырвалось. Ведь я теперь знаю, как выручить Леона, не снимая надолго ошейника! – глаза Яна так и светились.

– И как? – Леон появился из-за куста совершенно бесшумно. Чёрт, к этому невозможно привыкнуть! Справившись с испугом, Ян поднял спокойное лицо.

– Вытащить вот эту батарейку, дядя Леон, она не волшебная. Сигнал твоему хозяину сразу накроется, и тот длинный мужик даже своим приёмником тебя не найдёт. А ошейник снимешь у бабы Гунны. Дорогу-то туда ещё не забыл? Отвар может сработать, но у нас его совсем мало осталось, она тебе нового сварит. Наклонись, пожалуйста!

– Нет, Ян, я пришёл просто всех повидать, испортим мы ошейник попозже. Хозяин отпустил меня в лес, чтобы я поел травы – ведь он не кормит своих рабов. Сейчас он следит за мной. Не постоянно, конечно, но всё-таки поглядывает на свой приёмник, на шкале всегда видно, где я гуляю. Мне надо вернуться и подождать, пока все улягутся. Тогда у нас будет вся ночь, чтобы удрать подальше. Если и мой ошейник замолчит, то они нас с Рыжиком ни за что в лесу не найдут! А вы пока постарайтесь хорошенько отдохнуть, ведь половину ночи идти придётся.

И Леон опять шагнул раз, другой, протя-я-жно как-то, и вдруг пропал из глаз. Чёрт его побери, ну совершенно невозможно привыкнуть!

– Ян, ты сейчас нехорошо как-то подумал! – Айла ласково заглянула в его глаза.

– А чего я там подумал? – в недоумении уставился на неё мальчик. – Что Леон очень тихо ходит? Чёрт возьми, а что в этом нехорошего, я тоже так хочу!

– Вот-вот, когда ты сказал «чёрт», над твоей головой воздух стал темнее, а с ёлки на нас хвоя посыпалась. Ты и правда мощный колдун, Ян! Прошу тебя, говори бережно! А то зашибёт тебя чем-нибудь, жалко будет!

– Вот и баба Гунна тоже говорила... Ладно, тётя Айла, я постараюсь. А ты мне скажи, если ещё что-то заметишь, – и мальчик опять склонился над ошейником Рыжика. Без коробочки ошейник выглядел обычным, собачьим. Ян намотал его на руку и почувствовал лёгкое покалывание. Снял – и покалывание исчезло. Так, интересно... А если надеть его наизнанку? Ничего, не колется... надо поносить его подольше, посмотрим, будет ли ошейник работать наоборот? Прибавит ли он силы? Ян прикрепил коробочку, и она скрыла пряжку. Теперь стало совсем незаметно, что ошейник одет наизнанку.

Ян подошёл к Айле, которая собирала на холстинке скромный ужин, наколдовал ей хлеба и стал будить засонь. Айк вскочил легко, а Мяврик долго потягивался, не желая расставаться со сном. Вскоре на запах свежего хлеба прибежали волк и Рыжик. Пожевали всухую, побоявшись разводить костёр, запили компотиком, сваренным заботливой Айлой на прошлом привале, и стали ждать.

Вот уже солнце ушло за кромку леса, а облака окрасились в чистейшие цвета сказочной жар-птицы. Они плыли по небу медленно-медленно, очень плавно и торжественно. Понемногу, одно за другим, облака неохотно роняли за горизонт свои прозрачно-розовые, красные, золотые и серебряные перья. Устало вздыхал перед сном лес, тихонько журчал ручеёк, сонно шелестели деревья. И вдруг в их ветвях чисто и звонко запела какая-то птица. Переливы её голоса были так сладки, что хотелось ответить песней. И ей ответили. Из-за холма тоже зазвенела прерывистая трель, потом ещё одна, подальше... Путники сидели молча, замороженные вечерними красками и звуками. Даже неугомонный Айк тихо хлопал своими невозможными зелёными глазищами.

Последние розовые блики ещё были видны у горизонта, когда на потемневшем небе одна за другой стали выступать и наливаться блеском крупные разноцветные звёзды. Они появлялись медленно и величаво, как артистки театра, тщательно подготовившие свой выход на сцену. Пахло живой травой, цветами, ручьём и, издали, свежим сеном. С последним отблеском заката рядом с ребятами заворчалось что-то тёмное, лохматое, и голос Леона тихо сказал:

– Да, век смотри – и не наскучит!

– Ой, дядя Леон, как-то вы незаметно подступили! А мы вас ждём-дожидаем, правда, Ян? – зазвенел в сумерках голосок Айка.

– Правда. Давай, пока ещё совсем не стемнело, маячок испортим. Ты всё-таки хлебни, дядя Леон, немного отварчику.

– Не буду я его пить, потерплю. Ты же быстро сделаешь? А лекарство это вам ещё и самим пригодится, дорога-то дальняя!

– Тогда давай быстрее, последний свет уходит, – и Ян занялся коробочкой. Минут через пять оба облегчённо вздохнули, Леон опустил на траву и вытер пот.

– Фу, как будто молокану поднял! Сейчас, передохну немного, и пойдём.

– Натё вот, попейте-ка компота сладкого с хлебушком свежим, сразу сила-то по жилкам и побежит! – глазищи Айка сочувственно моргали.

– Спасибо, милый, а то всё трава да трава! Соскучился я по печённому-то! – сказал Леон, с видимым удовольствием откусывая хлеб. Что-то дрогнуло в душе Яна. Годами не видеть простого хлеба! Тяжело работать весь день, и взамен получать только траву! Руки мальчика порывисто задвигались над жгутом сорванной тут же травы, губы зашептали и засвистели, и вдруг ему на колени упал большой пирог с творогом! Потом ещё и ещё один, с курагой и изюмом.

– Вот это да! Гляньте, Ян-то пирогами сыпет! – обрадовался Мясрик.

– Ух ты, какие большие и румяные, поди вкуснющие! – потянулся к пирогу Айк.

– Погодь, неслух, сейчас всем по кусочку отрежу! – Айла взяла в руки пышный, вкусный пирог и начала отрезать красивые ровные ломти. – Ян, гляди-ка, с чем это? Я такой рыжей ягоды отроду не видала. Да и чёрная – такая мелкая, странная...

– Не бойсь, пробуй, тётя Айла! – довольный мальчик светло улыбался. – Это в моём бывшем мире такие пироги пекут, а вообще-то у меня нечаянно получилось. Я хотел просто свежего хлеба на дорожку Леону и Рыжику сварганить.

– Да Ян, ты и впрямь хороший волшебник! Хоть вам и лихо в пути придётся, но теперь я за вас не боюсь! – голос Леона звучал торжественно и печально. – Похоже, что ты всех своих сил ещё не знаешь, пробуй смелей, и у тебя всё получится. Ты и твои спутники не пропадёте. Выслушай напоследок мой совет. На людях держись уверенно и гордо – пусть принимают тебя за великого колдуна из дальних мест, со свитой. Для этого твоя одежда довольно странно выглядит, даже я сначала обманулся. Жаль расставаться, но нам и вам пора в путь. Удачи!

Леон и Рыжик по очереди обняли всех, и дружная компания снова зашагала по тропе, оглядываясь и махая на прощанье. Но скоро поворот скрыл две лохматые фигуры, и путники остались наедине с лесом, дорожкой и ночным небом. Луна светила как хороший фонарь, поэтому шли легко, но расставание поселило грусть в душах Айлы и детей. Как хорошо было бы шагать сейчас с Леоном, таким опытным, надёжным, и

милой лесной девочкой Рыжиком! Как жаль, что не успели хорошенько расспросить их про жизнь в городе! А ещё Ян размышлял, что может быть странного в простой клетчатой рубашке, старенькой куртке и штанах?

Константин ЕГОРОВ

Старик и море

Жил-был старик у самого синего моря со своею золотою рыбкой.

У золотой рыбки было сто тридцать тысяч курьеров на посылках. В посылках содержались фрукты, шоколад, печенье, сало шпик и сало солёное, колбаса полукопчёная и наливка брусничная, и тёплые вязаные носки от бабушки для любимого внука. Курьерам на таких домашних посылках жилось тепло, уютно, по-домашнему. Шутка ли, этакие запасы добра?

Каждое утро старик просыпался, расправлял свои добрые казачьи усы, брился и снова расправлял превосходные кавалерийские усы, подкручивая их особым лихим манером. Затем обнимал за плечи золотую рыбку и провозглашал весело и восторженно:

– Эх, как заживём-то скоро! Глазом не успеешь моргнуть!

Золотая рыбка на эти слова старика улыбалась тихой счастливой улыбкой.

Но у ней было сто тридцать тысяч курьеров, и все они на посылках, а это непорядок. Рыбка проверяла у личного состава обмундирование, награждала отличившихся, порицала провинившихся и гнала их всех прочь. Одних к турецкому султану, других к гранёному стакану, третьих к китайскому мандарину, четвёртых – околачивать грушу и трясти осину.

– Кыш, кыш, постылые! – сердилась она. – Неча тут рассиживаться.

А старик тем временем курил трубку мира, которая огибала собой весь земной шар. В трубке творилось много всего: в ней бежали поезда с пыхтящими паровозами впереди, летали аэропланы, дамы укрывались зонтиками от солнца, дети капризничали и требовали мороженого, а гувернантки влюблялись в заезжих французов и, очарованные, не в силах совладать, падали на ковёр без чувств. Вот такую неслыханную трубку мира курил наш несравненный герой.

Однажды стал старик грустен отчего-то.

– Старик, что же ты стал грустен отчего-то? – спросила рыбка, когда мужчина, до недавних пор столь великолепный, забыл побриться и расправить свои легендарные усы несколько раз.

– Да так, ничего, – отмахнулся старик.

«Вот ещё чего надумал», – огорчилась рыбка и следующим утром подняла солнце на западе и проводила его до востока. Старик ничего не заметил. Рыбка вырастила породу особую клёна, чья удивительная крона всей своей листвой пела хиты Джо Дассена и исполняла музыку Эннио Морриконе. Рыбка подняла из реки 112 умных сомов, которые

промаршировали по берегу без штанов, они сражались друг с другом кочанами капустными, а потом угощали зрителей пельменями со щавелем, наваристыми очень вкусными.

Старик и этому происшествию не придал никакого значения.

Тогда рыбка подумала и сказала:

Вейся ветер на просторе.
Кольхайся, сине море.
Солнце, поднимись в зенит.
Пусть любовь тебя хранит.

Старик тоже подумал и ответил на это:

Дай мне руку, прыгнем над
Пламенем костра.
Твой теперь тебе я брат.
Будь же мне сестра.

С этими словами старик взял невод и пошёл к морю ловить старуху на синем просторе.

Тридцать лет и три года ловил он старуху в пучине морской тринадцатью премудрыми способами.

Вот он забрасывал один раз невод, и открывались у людей глаза и умы для письма и грамоты. Вот забрасывал старик невод другой раз, и возникали у людей постройки и некоторые города. Вот забрасывал старик невод третий раз, и люди учились летать на искусственных птицах. Так происходили среди людей удивительные события.

Однако вышла когда-то из пучины морской старуха и дала себя лицезреть. И лицо её было луна, а волосы её были медь, и руками она могла опалить, а объятиями согреть. Старуха была столь прекрасна, что вошла нашему герою в левое ухо, а вышла из сердца, и принялась петь. Она пошла с ним, и он пошёл с ней. И её песня становилась всё слышней и нежней. И теперь они ходят по всему миру от края до края. И в каждом городе перед ними открываются двери блаженного рая.

Надежда КАЛАШНИКОВА

Не так, как мы хотим, всё движется кругом

(Глава 1 из романа «Цветы Калормена»)

Кулак впечатался в гобелен с арченландскими – для воссоздания северного колорита – горами. Заныл: пышное на вид шитьё легко проседало, почти не смягчая мрамор. К тому же перед кулачной битвой рекомендуется снимать кольца, особенно если их по три-четыре на каждой руке. Даже если они из серебра и тончайшей огранки изумрудов.

Чёртов мальчишка! Да чтобы он ещё раз куда-то взял паршивца...

– Да куда мог деться этот проклятый принц?!.. – вскричал Эдмунд уже вслух, но бить стену второй раз не стал. Стоило приберечь силы для объяснений с арченландской делегацией и лично королем Лумом, буде они так и не найдут его отпрыска. И с Питером, разумеется.

И ещё вопрос, кто будет громче орать.

Эдмунд рухнул на подушки, сваленные кучей прямо на полу. Стульев тут не полагалось. Исключением были обеды у тисрока, который по возрасту и здоровью уже не мог сидеть на полу, скрестив ноги. Пожалуй, это было единственным плюсом в совместных трапезах – не считая подававшегося в конце мороженого с божественно ледяным щербетом.

Впрочем, Эдмунд изначально не ждал от этой поездки ничего хорошего. И скептически смотрел на в одночасье будто потерявшую разум старшую сестру, практичную не меньше его самого. Для романтики у правящей четвёрки имелись Верховный и Отважная, и Сьюзен часто шутила, что вся грязная работа досталась средним. Нет, вояка из Питера прекрасный, и стратег – тоже, тут не поспоришь. Но вот к дипломатии его нельзя подпускать и на полёт стрелы. Эдмунд мечом владел немногим хуже брата, но предпочитал схватки в речах и на бумаге. Нарния – не столь великая страна, чтобы разбрасываться воинами направо и налево.

...Корина хватились вчера после обеда. Что уже было странно, ибо наследник Арченланда отличался добрым аппетитом, и такой глупости, как пропуск приёма пищи, за ним не водилось. Тем более стряпня здесь была хоть и непривычно жирная и острая, но повара своё дело знали. Калорменцы, делившие с ними трапезу, разошлись отдыхать – жара после полудня стояла невозможная. Северяне уже торопились последовать их примеру, но лорд Перидан с удивлением оглянулся на пустующий стул и спросил: «А принц разве не обедал?..»

В покоях Корина не оказалось. Только окно было открыто настежь, и потому стояла невыносимая духота. Дворцовая стража его не видела. Калорменцы только отмахнулись: де мальчишки всегда норовят куда-нибудь сбежать, будь они хоть трижды наследными принцами. К вечеру, мол, вернётся.

К вечеру Корин не вернулся.

Решив не поднимать шум раньше времени, Эдмунд послал шпиона, дежурившего во дворце, с объявлением тревоги.

...Прежде чем соваться в малознакомый Калормен, нарнийские правители озаботились переправкой отряда мышей и птиц. В основном ворон и воробьёв – быстрота и незаметность. Люси лично шила для мышей защитные балахоны и сумки для фляг, позволившие бы перебраться через пустыню – на спинах ворон, разумеется. И лишь когда измученный двойным перелётом Серокрыл сообщил, что отряд благополучно добрался и рассредоточился, королева Сьюзен согласилась ехать к жениху.

Ночью потекли сообщения. Все они были неутешительны: Корина никто не видел.

Стоило идти к тисроку – Эдмунд в очередной раз поморщился от смешной присказки к титулу – и просить отряд стражи, чтобы начинать поиски официально. Ну или хотя бы к будущему зятю. Но вот с Рабадашем разговаривать не было ни малейшего желания: король и царевич обоюдно невзлюбили друг друга, хоть и всячески прятали это за вежливыми фразами. Хуже лицецерения царственной хищно-слащавой физиономии была только необходимость любезно отвечать на поток красноречия очередного тархана. Каждый первый желал лично выразить восхищение – красотой королевы, доблестью короля, надеждой на процветание двух скреплённых браком стран... «Хорошее дело браком не называют, Сью. Тем более с калорменцем», – ворчал Эдмунд, когда они оставались вдвоём. Та в ответ выводила родословную всех мужчин вообще и младшего брата в частности почему-то совсем не от Адама.

Эдмунд уронил голову на руки. Та трещала немилосердно – от жары, от бессонной ночи, тревоги и нескончаемого глухого раздражения, которое вызывал у него Калормен ещё с первой поездки. С тех пор ничего не изменилось – если только в худшую сторону.

Однако надо было вставать: организовывать поиски Корина, успокаивать арченландцев, пока они не переполошили весь Ташбаан... И не написали Луму.

Король резко поднялся, сбрасывая оцепенение. Это его и спасло – метательный нож не вонзился под левую лопатку, метя в сердце, а чиркнул по ребрам. Метнуть второй нож Эдмунд не дал.

Лицо нападавшего было закрыто чёрным, только глаза оставалась. «И всё равно промазал», – мелькнуло на краю сознания. Дальше работали инстинкты. Скрутить руки, повалить на мягкий – заглушил шаги, дрянь!.. – ковёр. Оседлать, удерживая запястья. Выхватить из-за пазухи умело спрятанный кинжал. С мечом в гостях рассекать неприлично, но не ходить же по этой Львом забытой стране совсем безоружным!..

Не сдёрнул – вспорол ткань кинжалом. Если тварь, нападающая со спины, лишится глаза – на то воля Аслана.

– Ну давай, убей меня!.. – выплонул... выплонула? Девчонка оказалась. Блеснула щербина во рту. На ковёр упал клочок отсечённых кинжалом чёрных волос – дешёво отделалась. Вырваться не пыталась – понимала, что бесполезно.

Так вот где он видел эту закрывавшую лицо ткань. В чадре здесь ходит каждая женщина старше двенадцати лет. Этой явно больше, хоть и до ровесницы не дотягивала. Впрочем, он так и не научился определять женский возраст.

– Кто тебя послал, тварь? – острие кинжала упёрлось в смуглую шею.
– Царевич?

Лицо, и без того не особо красивое, искривилось – жалко, уродливо.

– Я всё провалила, он убьёт меня... – шёпот и следом громкое, с надрывом: – Да убей уже!

– Ну и скотина же ты, Рабадаш, – скрипнул зубами Эдмунд. Перехватил руки девчонки поудобнее левой рукой – на тёмных запястьях белели следы пальцев, обещая налиться синевой, так ей и надо – второй принялся развязывать собственный пояс. И вот тогда девчонка под ним задёргалась. И в тёмных глазах помимо отчаяния отразился страх.

Она что, решила – он её насиловать будет?..

– Дура, – бросил король, затягивая узел на запястьях. Ни одного браслета – чтобы не звякнули, предусмотрительно. Да толку?..

Тряпок не было, и Эдмунд без затей отхватил кинжалом подол собственной туники для кляпа. Всё одно вещь испорчена. Поднявшись, качнулся – к головной боли теперь прибавилось головокружение. И заболела рана – наконец-то, а то он уж испугался, что не чувствует ничего. Вдруг ядом смазано или какой парализующей дрянью... От этих чёрных дьяволов всего можно ожидать.

– Пойдём-ка, сестру мою королеву обрадуем, – пнул коленом девчонку пониже спины к выходу, не отказал себе хоть в таком удовольствии.

Тьфу, удовольствие. Мало что щербатая, так и задница костлявая. Хоть бы кого посимпатичнее убивать нарнийского короля отправили, что ли... Ну совершенно никакого уважения от этого Рабадаша!

Ташбаан Шасте не понравился.

Шум, гам, гул тысячи голосов, звон монет и гомон зазывал на рынке, протяжная мелодия зурны из переулка, зычные крики стражи – всё это обрушилось на сына рыбака огромной пёстрой многоголосицей. Привыкший к тишине отцовской хижины да к вечному плеску волн Шаста растерялся. К тому же здесь нельзя было перекинуться парой фраз с Бри – а тщеславные, но любопытные комментарии коня по поводу и без скрашивали дорогу.

Конь явно был оскорблён и недоволен, хотя идея вывалиться в грязи и обкорнать хвост принадлежала ему. Шаста бы в жизни не осмелился подобное предложить. Но Бри, хоть и согласился играть вьючную лошадь, выглядел так, будто нёс на спине не пару тюков, а всю мировую скорбь.

– Дорогу, дорогу светлейшему тархану Ильгамуту!.. – закричали впереди.

Ну вот опять...

Люди начали жаться к домам. Шаста хотел было привычно отступить вглубь толпы, подальше от важных людей в парчовых халатах. Но в этот раз, видимо, народу набралось особенно много для столь тесной улочки. Его сдавили так, что он вскрикнул, выпуская из лёгких весь воздух – и, неведомо как, оказался в первом ряду.

Тархан гарцевал на высоком тонконогом – явно породистее Бри – коне. Впрочем, в лошадях Шаста не разбирался.

– Стоять! – воскликнул тархан, натягивая поводья. – Ты как здесь оказался, Корин, негодный мальчишка? В таком виде – и без сопровождения! А если с тобой что-то случится среди этой босоты?.. Разве так надлежит вести себя, когда тебе оказана честь быть гостем пресветлого тисрока – да

будет вечной жизнь его? Будь ты моим сыном – выпорол бы, не посмотрел, что принц!..

По взмаху руки тархана слуги подошли к Шасте, учтиво, но крепко подхватили под локти и повели. Он оглянулся было на толпу, где оставался Бри, но тот не собирался вступать в переговоры.

«Вот это сбежал на Север», – подумал сын рыбака, когда перед ним, будто корабль из тумана, возник величественный, весь из белого мрамора дворец тисрока – да будет вечной жизнь его!

Дверь в покои сестры Эдмунд открыл пинком, машинально отметив – не заперта. Дьявол, они все непростительно расслабились.

Сьюзен с мечтательной улыбкой сидела на подушках. Тиана – любимая её служанка-дриада – что-то негромко мурлыкая под нос, расчёсывала ей длинные чёрные волосы. Распушенные, рассыпались они по мягкому ковру, по коленям королевы...

– Доброе утро, Нарния! – возгласил король, разрушая идиллию. Толкнул девчонку вперёд – уже ладонью. Та рухнула на колени. Свободный конец пояса Эдмунд намотал на ножку кровати под недоумевающим взглядом сестры. Повернулся спиной вместо ответа – и Сьюзен не сдержала вскрика. Но почти сразу скомандовала:

– Тиана, тёплой воды, мазь и перевязку, живо! И всех нарнийцев сюда – быстро и тихо!.. А ты раздевайся, – кивнула брату. – И рассказывай.

– О чём рассказывать, дорогая сестра? – сарказм был испорчен шипением. Едва Эдмунд потащил изодранную тунику через голову, как рана дала о себе знать. – О том, что любезный твой жених столь гостеприимен, что подсылает убийц к будущему шурина? Королева Лука попала в яблочко с выбором мужа, прими мои поздравления!..

Руки королевы опустились, будто пучок шпилек из чистого золота стал слишком тяжёл для них.

– Но как... Эдмунд... – прекрасное лицо искривилось. – Как он мог, у нас же мир!..

– Это Калормен, сестра, – сухо ответил король. – У них вместо жертвенного вина льётся кровь. Тебя предупреждали.

Сьюзен поднялась. Зелёные её глаза сверкнули гневом, щёки заалели.

– Я разорву все обязательства с царевичем, если так! – воскликнула она. – Никогда моим мужем не станет столь бесчестный человек!..

Эдмунд горько улыбнулся:

– Признаюсь, мне было бы трудно любить тебя по-прежнему, ответь ты иначе. Но...

Договорить ему не дали. Нарнийцы и арченландцы толпой ввалились в покои с белой лилией на дверях. Глазам их предстали взбешённая королева, обнажённый по пояс король и связанная неизвестная калорменка на полу.

– Что случилось, ваши величества? – озвучил всеобщее недоумение Тумнус.

– Сушая ерунда. Покушение на правящего монарха в дружественной державе по приказу её наследника, – ответил Эдмунд, пока Сьюзен, отобрав у дриады лекарскую сумку, собственноручно принялась залечивать его. Резко запахло травами, будто они оказались на нарнийском лугу. Увы. – Кстати, о наследниках... Судьба Корина становится всё занимательнее.

Повисла тишина. А следом заговорили, загомонили все разом:

– Но позвольте...

– Да как он посмел!..

– Позор Калормену!

– Что же теперь делать?

– Как это не по-рыцарски!..

– Где же Корин?! Король Лум головы нам снимет!..

Поднявшийся гвалт перекрыл голос лорда Перидана:

– Это же объявление войны!..

И все умолкли.

Королева Сьюзен, подойдя к лорду Перидану, потянула из ножен на его поясе меч. Шагнула к забытой всеми калорменке.

– Ну, если быть войне... – клинок сверкнул над её головой. – Пусть же первой падёт та, что пролила кровь моего брата!..

Но руку её перехватили.

– Стой, Сью. Она лишь исполнительница. И у нас проблемы сейчас посерьёзнее, чем столь мелкая месть.

– Неужели ты хочешь пощадить её, брат мой король? – на руке, непривычной к такой тяжести, вздулись голубые вены, но Сьюзен не опустила меча.

– Я не хочу, чтобы ты убивала, сестра моя королева. Даже ради меня, – мягко ответил Эдмунд, высвобождая рукоять из сцепившихся до белизны пальцев. Вернул меч лорду Перидану и продолжил: – Нужно обдумать дальнейшие наши действия. Если мы дёрнемся, нас просто перебьют. Не думаю, что тисроку неизвестно, какие приказы отдаёт его наследник. Даже если и нет – уверен, поддержит он Рабадаша, а не нас. Я могу послать гонцов в Нарнию за помощью, но брат мой Верховный Король уже на войне. И основные силы нарнийцев стянуты к Этинсмуру. У нас есть ещё войска, конечно, но Калормен – серьёзный противник. Последнее, что нужно сейчас Нарнии, – война на два фронта, – совсем уж тихо закончил король.

– Арченланд поможет Нарнии, ваше величество, – вмешался лорд Дарин, кладя руку на рукоять меча. Вместе с Периданом они отвечали за безопасность принца и потому ходили с оружием открыто. – Тем более если с Корином что-то случится по вине калорменцев... Мой король этого так не оставит, уверяю!..

– Корин, – всхлипнула Сьюзен. – Он же совсем ребёнок ещё... Зачем я вообще сюда согласилась ехать!..

Ответом было вежливое молчание. Эдмунд не собирался повторяться, остальные не желали вступать в спор с королевой. Но для Сьюзен не было секретом, что выбор её мало кто одобрял.

Тишину нарушил деликатный стук. Лорды Дарин и Перидан встали по обе стороны от двери с обнажёнными мечами. Тумнус приоткрыл дверь ровно настолько, чтобы высунуть голову.

– Я обошел четыре гостевые комнаты, и ни в одной не нашёл ни единой живой души. Лишь потому дерзнул потревожить покой королевы Сьюзен, – тархан Ильгамут подтолкнул вперёд Шасту, который попятился было при виде странного существа с рожками и копытами. – Постарайтесь лучше следить за принцем. Калормену не нужны проблемы, если он свернёт себе шею в бедных кварталах. Там не слишком-то расположены к белокожим. – Тархан коротко поклонился, щёлкнул каблуками и ушёл по гулкому коридору.

– Корин! Хвала Льву, ты жив!.. – Слёзы полились из глаз королевы, когда она обняла Шасту и принялась целовать от избытка чувств.

– Явился! – воскликнул Эдмунд, подойдя к ним. – Где ты был? Почему сбежал, никого не предупредив? Ещё одна такая выходка, Корин, – и я в жизни не возьму тебя в оруженосцы, как ни проси!.. И вообще никуда больше не возьму. Сбежать в Калормене, виданое ли дело!.. Мы едва с ума не сошли, клянусь Львиной Гривой!.. И не совестно тебе?

Едва он умолк, заговорил лорд Перидан – лишь немногим сдержаннее:

– Поддерживаю короля Эдмунда. Вы ведёте себя совершенно недостойно принца, ваше высочество. Вы посмотрите на себя – на кого вы похожи? Я обязательно напишу обо всём вашему отцу, ибо это уже предел! Где вы были, ответьте наконец?!..

Шаста только моргал, глядя на странных белокожих, судя по тону – изрядно взволнованных и рассерженных людей. И тех, кого людьми нельзя было назвать при всём желании. Он не понимал, куда попал и как себя вести, чтобы не стало хуже. Но белокожие не отставали, и он наконец разжал губы:

– Н-не... не знаю.

– Ты не перегрелся ли часом, Корин? – лорд Дарин положил руку ему на лоб, и Шаста не нашёл ничего лучше, как в ответ кивнуть. – Ну-ка присядь и отдохни. Можешь прилечь, если совсем плохо. Да, прямо здесь. Нам теперь стоит держаться кучно. – Дарин подвёл его к груди шёлковых подушек. Кивнул арченландцам: – Принесите кто-нибудь холодного щербета принцу.

Когда Шасту усадили и напоили, заговорил Тумнус:

– Мне кажется, проблема не только в том, сумеет ли Верховный Король выиграть ещё одну возможную войну, а в том, чтобы нам самим выбраться из Калормена. Ваши величества, – кивнул он королю и королеве, – пара прекрасных заложников. Вряд ли Верховный Король решится всерьёз угрожать тисроку, если вы будете в плену... Быть может, король Эдмунд, вас и не собирались убивать – так, припугнуть?.. Или спровоцировать.

Эдмунд набрал было в лёгкие воздуха для долгого ответа – сам подумал о том же. Но сестра опередила его, вновь указав на калорменку:

– Брат мой король, тебе следовало заткнуть этому созданию не рот, а уши. Она всё слышит и видит, она выдаст нас!.. Что ты намерен с ней делать?

– Заберём с собой, дома разберусь!.. – раздражённо ответил король. – Если доберёмся до него. Мне сейчас не до судов по всем правилам, Сьюзен, а убивать женщину я не собираюсь. – Обернулся к Тумнусу: – Я склоняюсь к тому, что ты прав, друг. Но, во имя Нарнии, что тогда нам делать?!

– У меня есть одна идея, ваше величество...

Всем был хорош дворцовый сад тисрока – да будет вечной жизнь его! И раскидистыми деревьями, дававшими желанную тень в полдень. И статуями богов и героев – из того же белого мрамора, что и сам дворец. И фонтанами, чьё журчание услаждало слух, освежало – а порой являлось творением не менее искусным, чем плод труда иного зодчего. Но не за это ценил их наследный царевич Калормена.

Рядом с шумно льющей водой негромкий разговор труднее услышать.

– Ваше высочество...

Непримечательная фигура – в толпе не заметишь, наедине не вспомнишь – склонилась в поклоне.

– К делу! – нетерпеливо взмахнул рукой царевич. Без меры широкий рукав тёмно-синего халата, расшитого золотом, взметнулся крылом хищной птицы.

– Слушаю и повинуюсь. Северяне готовятся к обещанному пиру. Люди... нелюди их пугают торговцев и плясуний на рынке странным своим видом. Но закупаются они и впрямь с размахом. Думаю, нарнийский король недосчитается части казны, – позволил себе усмешку докладчик.

– Меня не интересует их золото, – скривился Рабадаш. – Что делает королева?

– Её величество беспримерно веселы. Быть может, это оттого, что вернулся арченландский принц. После его возвращения они и решили устроить пир.

– А, нашёлся, – рассеянно кивнул царевич. – Странно, конечно, что моя невеста так переживала за какого-то принца... Что ещё?

Шпион помедлил.

– Если позволено будет высказаться ничтожному рабу тисрока – да будет вечной жизнь его! – и лично вашего высочества... – дождавшись нетерпеливого кивка, он продолжал: – Нарнийцы так шумно готовятся к пиру, будто хотят о том известить целый город. Будто... убедить в том пытаются.

Скучающее выражение вмиг улетучилось с лица Рабадаша. Гневным огнём полыхнули глаза, крылья носа раздулись – будто хищник добычу учуял. Рука неосознанно легла на эфес сабли в виде птичьей головы.

– А устраивают они внезапный пир на своём корабле, хотя им отведено целое крыло дворца... – медленно проговорил царевич.

Слуга кивнул:

– Тархан Ильгамут говорил о том же с тамошним лордом, ваше высочество. И выразил недоумение такой странностью. На что тот

ответил: «Её величество готовится выполнить свой долг, но вольна выбирать, в каких условиях исполнять его».

– Эти варвары слишком заигрались в иллюзию выбора!.. – вскричал Рабадаш, ударяя кулаком по бортику фонтана. – Непокорность королевы пленила меня, но всему должен быть предел. Из Ташбаана сбежать сложнее, чем думают нарнийцы.

Нога в туфлях, созданных для бала, а не для беготни по каменной кладке ташбаанских дорог, подвернулась. Королева Сьюзен полетела с пристани в воду.

Почти полетела.

– Осторожнее, моя дорогая, – сильные руки подхватили её и бережно поставили на твёрдую поверхность. Окутало знакомым запахом – шафран, горький и резкий, дьявольски дорогой даже в Калормене, как нельзя лучше подходил его наследному царевичу.

Верно, в калорменские духи добавляли и мускус. Потому как Сьюзен ещё в Нарнии готова была вдыхать этот запах часами. Но теперь, когда брат её был ранен – и не в открытом бою, когда на поверку все слова о гостеприимстве и мире оказались пустышкой, лишь горечью и яростью наполнилось сердце королевы.

– Не следует невесте наследного царевича Калормена бегать, будто опрокинувшая квашню служанка, – насмешкой в голосе можно было резать. – Я помогу тебе подняться, о Сьюзен, роза сердца моего. – Смуглая широкая рука поднырнула под локоть королевы, и сердце её забило, предчувствуя дурное. Они ведь должны отплыть самое большое через полчаса, когда стемнеет... И царевич на борту сейчас ну совершенно ни к чему!

И уж тем более ни к чему толпа калорменцев с тюками и полными фруктов корзинами, что двинулась за ними следом.

– Но позвольте, мой царевич, ничего ещё не готово, – запротестовала, пытаясь вынуть руку, Сьюзен. – Приходите завтра в оговоренное время.

Куда там вынуть!.. Из капкана зверю вырваться легче. Тот хоть лапу себе отгрызть может.

– Разве готовить пир должна королева? – хмыкнули у неё над ухом. – Интересные в Нарнии обычаи. Разве для этого я подарил вам сотню служанок и слуг, чтобы вы могли распоряжаться ими, как душе угодно? Вы сами отвергли тот дар... Я желаю взглянуть, как идёт подготовка, и предложить небольшую помощь – только и всего. Вы ведь мои гости, – голос понизился, окутывая бархатом. И без перехода сквозь бархат проглянула сталь – будто штору саблей вспороли: – Или на нарнийском корабле, пришвартованном в Калормене, есть нечто, что нельзя видеть его царевичу?..

Взлетела бровь чёрным росчерком к тюрбану. Качнулся на том рубин – огромный, алый, словно южный закат.

Надо отвечать. Вежливо, будто ничего не происходит. Будто она не желает более всего отвесить ему пощёчину и разрыдаться – горько и безутешно. Королевы не плачут, верно. А женщины, которых предали, – очень даже. Но она в первую очередь – королева.

– Нарния не таит зла, тем более на чужой территории.

Скрипнула первая ступенька сходни. Мелькнуло над бортом лицо Тианы, искажённое гримасой отчаяния.

– А дриады тут всё-таки страшные, – гоготнули за спиной.

– Что взять с дерева, пусть и говорящего?..

– И правда, ваши подданные, кажется, не слишком одобряют ваш выбор, моя королева, – вкрадчиво продолжал Рабадаш. – Они не знают, что недовольство владыками стоит хранить глубоко внутри?

Третья ступенька.

– Ах нет, она всего лишь, видимо, печалится, что подгорел пирог, – возразила Сьюзен.

Четвёртая.

Ах, если бы подать хоть какой-то знак!.. Если прямо сейчас поднять якорь – может, ещё успели бы?.. Она станет заложницей – но, скорее всего, одну её не убьют, и нарнийцы найдут способ её выволочь – или выкупить.

Скрип восьмой ступени.

Что же делать? Сделать вид, что всё в порядке? Напоить их, а как уснут – сбросить чужаков с корабля? Только бы остальные подыграли!..

Доски палубы будто обожгли сквозь тонкие подошвы туфель.

– Добрый вечер, ваше высочество! Мы, признаться, не ждали вас... так рано. Но я рад приветствовать вас на борту «Серны». Чем обязаны столь позднему визиту?

Эдмунда всё детство ругали за склонность паясничать и кривляться по поводу и без. Кто бы знал, что владеть лицом он будет едва ли не лучше среди Четверых.

– О, всего лишь хотел удостовериться, что всё в порядке, – самым что ни на есть светским тоном ответил Рабадаш, и Сьюзен передёрнуло от такого лицемерия. Калорменцы, поднявшиеся за ними следом, с поклоном составили принесённое богатство.

Царевич выпустил руку королевы, прошелся хозяйски по палубе. Сверкнул чёрными – взгляни, провалишься – очами по сторонам. Остановился, упёр руки в бока.

– Всё-таки помощь Нарнии требуется, – заговорил вкрадчиво. – Я не вижу следов подготовки к обещанному пиру.

– Ваше величество, ветер подходящий, можно...

На сатира-рулевого, так не вовремя подошедшего, зашикали. Но было поздно.

– Ветер? – смуглая рука легла на рукоять сабли, скрытой тяжёлой парчой халата. – Всё-таки сбежать решила, ведьма. Взять их!..

Зазвенели спрятанные до поры калорменские сабли. Зазвенели в ответ мечи северян.

Только не все по родному кораблю с оружием расхаживали. Упал рулевой, что так не к месту про ветер вспомнил. Вскрикнула любимая служанка королевы – и рухнула за борт, пополам разрубленная. И где-то далеко в Нарнии на одну рябину стало меньше.

– Тиана, нет!.. – горький вскрик сорвался с уст королевы.

Двое рослых калорменцев заломили Съюзен руки, повели прочь с корабля, подальше от битвы.

Или вернее сказать – бойни?..

– Короля и принца – живыми, остальных убить!.. – прокричал Рабадаш.

Съюзен обернулась, стараясь из-за спин державших её рассмотреть хоть что-нибудь. Увидела, как вскочил на борт Эдмунд, отбиваясь сразу от трёх калорменцев. Рядом вскрикнул, падая, гном. Король отвлёкся на мгновение – и меч его тут же выбили.

– Эд, беги!.. – закричала Съюзен, срывая голос. Рот ей мгновенно зажали – сильно, но не грубо. Но она продолжала дёргаться, глядя, как Эдмунд спрыгнул с борта на сушу – и, кинув на сестру отчаянный взгляд, помчался по узким улицам.

– Мы сдаёмся!.. – нестройным хором закричали нарнийцы, бросая оружие. Арченландцы продолжали сражаться, и вряд ли такое заявление их порадовало. Но вот раненый лорд Перидан бросил меч и хрипло проговорил:

– Сдаёмся! Пощады!..

Рабадаш сплюнул себе под ноги.

– Как же жалки эти создания! И впрямь, мараť о них сабли – значит оскорбить священное оружие наших отцов. – Махнул воинам: – В темницу этот сброд, а короля найти – и чтоб ни царапины!.. И быстро, иначе, клянусь Птицеликим, я велю сварить вас всех в кипящем масле!..

Наталья КОЛЕСОВА

Поступившие непоступившие

(Главы из романа «Яшмовая Магическая Академия»)

Глава 1. АБИТУРИЕНТЫ

Она стояла перед высокими, с начищенными медными клепками воротами и, запрокинув голову, таранилась на витиеватую надпись, гласившую, что за этими неприступными стенами находится Яшмовая Магическая Академия.

– Торговка-деревенщина, – по грубой запылённой одежде и громоздкой корзине, удерживаемой на выпяченном бедре, определил Криспин.

– Абитуриентка, – не согласился Артур. Он на расстоянии чувствовал её любопытство, смешанное с опаской, азартом, предвкушением и неуверенностью. Обычный букет эмоций, испытываемых поступающими,

как бы они – Артур покосился на друга, вальяжно развалившегося рядом на скамье – не пытались это скрыть под маской самоуверенного нахальства.

– Ну, абитура-деревенщина, – легко согласился тот. Уставился в ясное предосеннее небо. В тёмных глазах отражались редкие облака и точка парящей кругами птицы.

– Опять летает!

– Да и пусть летает, тебе-то что? – рассеянно отозвался Артур, разглядывая подошедшего к воротам рыжего крепыша, уже знакомо, с полуоткрытым ртом тарашившегося на надпись. Этот, уж безо всякого сомнения, поступать: из заплечного мешка торчали края истрепанных свитков и книг.

– Раздражает, – просто объяснил Криспин. В последнее время его многое раздражало. Как всегда осенью.

– Плюнь, – порекомендовал друг. – Погляди лучше, какая куколка к нам заявила!

На появление ещё одной абитуриентки и впрямь стоило посмотреть. Запряжённая шестёркой белоснежных лошадей, украшенная затейливыми вензелями карета прогромычала по булыжной мостовой до самых ворот, заставив отбежать в сторону двоих явившихся раньше. Форейтор опустил ступеньку, открыл дверцу и, почтительно склонившись, подал руку очаровательно белокурому созданию в кипенно-белом же платье. Странно, что следом не явился паж – поддержать длинный подол, печально рухнувший на пыльные булыжники. «Куколка» торжественно огляделась, дабы убедиться, что её появление точно не осталось незамеченным. Увидев, как слуга взялся за массивное кольцо ворот, друзья синхронно зажали уши. А вот неопытные новички наверняка на пару минут оглохли от раскатившегося по улице и ближним закоулкам медного звона.

Когда тот, наконец, затих, Ворота лениво осведомились:

– И кто тама?

Переставший ошалело трясти головой слуга приосанился и начал хорошо поставленным голосом:

– Баронесса Шлосская Амариллис Вербена Роза...

– Она не куколка, она цветочек! – фыркнул Криспин.

– Ты, что ли, баронесса? – перебили Ворота. Слуга умолк, оглянулся и суетливо показал обеими руками на хозяйку:

– Нет, что вы, она... то есть, они...

– Ну вот пусть *они* себя и назовут. Но короче! Как в списке значатся!

Отстранив слугу изящной перчаточной рукой, куколка решительно шагнула вперёд. Выпалила, задрав голову:

– Амариллис Шлосская! Из Эербурга.

– Есть такая. Проходи! – только что не зевая, скомандовали Ворота и чуток приоткрылись: ровно настолько, чтобы раскрасневшийся от безмолвного негодования «цветочек» протиснулся боком, вынужденно поставив на ребро обручи пышной юбки. Друзья могли поклясться, что слышат скрипучее хихиканье: Ворота развлекались. – Следующий!

Крепыш что-то сказал «деревенщине» (та замотала головой и даже попятилась) и, шагнув вперёд, назвал своё имя: сплошные «р» да «гх».

– Гном, что ли? – прикинул Криспин. Артур пожал плечами. Старшекурсники умели уже отличать носителей магии от обычных людей, но природу её понимали не всегда.

Оставшаяся в одиночестве (не считая лошадей и слуг цветочной баронессы) девица-с-корзинкой, встав на цыпочки и вытянув шею, выглядывала прошедших внутрь.

– Эй, болезная! – рывкнули Ворота. – Заходить-то собираешься? Закроюся ведь сейчас!

Присевшая от неожиданности абитуриентка быстро, мелко закивала, подкралась на цыпочках и выдохнула своё имя прямо в замочную скважину – вряд ли из соображений секретности, просто с испуга голос потеряла.

– Есть такая, – через длинную паузу (поиска в списке?) нехотя признали Ворота. – Пр-роходи!

Девчонка всё так же мялась на пороге, перекладывая корзину из руки в руку, то заглядывая в приоткрытую створку, то оборачиваясь, словно ища путь к отступлению – или живительного пинка. Криспиновское терпение лопнуло раньше, чем у самих Ворот. Он вскочил и, большими шагами добравшись до входа в Академию, с размаху долбанул ладонью в медную створку:

– Растворись! – и, тормозящей девице: – Посторонись!

Дальнейшее произошло одновременно. С суетливым «простите, мастер Криспин, не признали!» воротина широко отъехала в сторону, а напугавшаяся девица кинулась вперёд – прямо наперерез старшекурснику. Наткнувшийся на абитуриентку Криспин умудрился не упасть, зато сбил её с ног. Девчонка шлёпнулась на камни мостовой, корзинка отлетела, веером рассыпая своё содержимое. Подоспевший Артур видел, как друг оглянулся, оценивая масштаб бедствия, ссутулился и пошагал прочь.

– Извини его, – сказал Артур, помогая девчонке подняться. – Очень торопится. Не ушиблась?

– Нет. Ох, – девица отряхнула и без того пыльную юбку; наклонилась, потом опустила на корточки, собирая свои пожитки. Артур принялся помогать – пока один из «пожитков» неожиданно не прыгнул от его протянутой руки.

– Это что... лягушки?!

Глава 2. НЕДОПОСТУПИВШИЕ

У него были самые синие в мире глаза. И светлые растрепавшиеся волосы, отливающие на солнце золотом. И приятный приветливый голос. И сильные руки, так легко поднявшие её на ноги. Как тут последний ум не растеряешь? Тем более, у неё его и так мало. Все говорят.

– Лягушки? Зачем ты таскаешь с собой лягушек?!

Ах, совсем про них забыла, башка дырявая! Мира пробормотала, не поднимая головы:

– По дороге насобирала, – её пальцы меж тем проворно отлавливали распрыгивающихся земноводных.

– Зачем? – улыбка в голосе. – Для опытов? Ворожбы? Или ты их на ужин ешь?

– Скажете тоже! – Мира уязвлённо вскинула голову: так и есть, смеётся! – Они на дорогу выбрались, а там ведь люди, лошади, колеса! Я и собрала их, чтобы после в безопасном месте отпустить. А потом позабыла.

– Безопасное место, говоришь? – парень огляделся. – Будет тебе безопасное!

Мира поспешила вслед за ним по изумрудно-зелёной лужайке к маленькому, поросшему ряской пруду.

– Здесь им будет хорошо, как думаешь?

Удерживая собранный дрыгающийся лягушачий урожай, Мира с сомнением огляделась.

– А нет ли тут сов?

– Есть, – серьёзно ответил парень, – как же в таком парке, да не быть? И змеи. И кошки, и собаки, и ещё немало всякого зверья, которое тебе даже не снилось. Но это уже их, лягушачьи проблемы! А твоя главная проблема сейчас – постараться здесь остаться... чтоб хотя бы своим лягушкам помочь. Давай выпускай, и я доведу тебя до приёмной комиссии!

Последнее убедило – иначе б она долго ещё выбирала местечко получше, а потом суматошно металась по Академии, разыскивая нужное здание. Но всё равно Мира медлила, глядя на неуверенно осваивающих новые земли и воды лягушек, пока парень не тронул её за плечо.

– Идешь?

– Ой, да!

Наскоро выровняв в корзине свои пожитки, прикрыла-приткнула сверху шалью и поспешила за неожиданным проводником. Еле догнала, ногастый какой! Заглянув ему в лицо, спросила с почтением:

– А вы здесь преподавателем будете?

– Я? Почему? – удивился парень. – А-а-а, наверное, старше выгляжу? Нет, я ещё на последнем курсе, просто поздно поступил.

Позже Мира узнала, что в Академии есть учащиеся куда старше Артура: кто-то пришёл, когда денег наскрѐб, а у кого магические способности вообще поздно проявились. У таких обучение длится гораздо меньше, да и живут они не в главном корпусе, а в отдельном одноэтажном флигеле: языкастые студенты называют его «Дом престарелых».

Академия представлялась ей огромным, загадочным и роскошным заведением. Насчёт загадочности и размеров не ошиблась – ну для неё и окружной город велик! А вот насчёт роскоши... Мира шла, хозяйским глазом отмечая следы небрежения, запустения и разрушения. Если на площади у ворот трава, пробивавшаяся в мостовой, была выщипана или коротко стрижена, то чем дальше, тем больше чувствовала себя вольготно, местами приподнимая, выламывая и откидывая булыжники: в сумерках запросто ноги переломает. Двери-окна одноэтажных построек, мимо которых они

проходили, были защиты досками, а кое-где просто зияли пустыми проёмами с буйствовавшими крапивными зарослями. Немногочисленные неровные клумбы с высохшими или наоборот вымахавшими в людской рост цветами требовали добросовестного садовника – либо просто повальной перекопки. Арки грозили обрушиться на головы расшатанные временем камни. Дорожка петляла, как пьяная, приходилось то и дело отводить нависающие ветки или перебираться через поваленный ствол. Процветал здесь лишь тот самый парк, скорее, уже лес. Не то чтобы Мира была против, конечно, но всё же больно странное это место!

Странная Академия.

Студент этой самой Академии, кажется, понял её чувства – бросил через плечо:

– Веду тебя самой короткой дорогой!

Короткой, как же, целый час уже, наверное, добираются! Но в одиночку она бы наверняка заплутала в этом до неприличия разросшемся парке. Вслед за старшекурсником Мира выбралась из живой изгороди, норовящей содрать не только одежду, но и саму кожу, и внезапно очутилась на широкой мощёной площади перед длинным трёхэтажным зданием тёмно-красного кирпича. Вот здесь как раз сохранились остатки бывшего величия Академии: карнизы, колонны, стрелчатые зарешеченные окна, высокие двустворчатые двери из тёмного дерева, широкие каменные ступени крыльца...

На этих самых ступенях их и поджидали. Первым делом Мира увидела недавних соискателей: двое переминались внизу, оглядываясь то на них, то на площадку лестницы, где возвышались встречавшие.

– Явились! – уже издали звучным и крайне неприятным голосом поприветствовала их высокая тонкая женщина. Вся сплошь в чёрном: тугое атласное платье, сетчатая вуаль, лихо прикрепленная к жгуче чёрным же волосам, тёмно-синий, почти фиолетовый взгляд под чёткими дугами бровей. Как головёшка, как уголь из костра, подумалось Мире. Но не угасший уголь, тлеющий – того гляди полыхнёт...

Тёплые ладони аккуратно сжали плечи девушки, проводник весело доложил над её головой:

– Вот, доставил абитуриентку в целости и сохранности, госпожа ректор!

– Благодарю, староста Нортон, – процедила ректор. – Интересно только, что за горы, буераки и болота вас так задержали в пути! Соискатели, внимание!

Поспешно добежав до товарищей по несчастью... то есть по счастью учиться в Яшмовой Магической Академии города Буржба, Мира попыталась отвесить поклон госпоже ректор. Но так как она по-прежнему прижимала обеими руками к животу тяжёлую корзину, результат вышел комичным. Услышав отчётливое фырканье, девушка покосилась на болтавшегося неподалеку долговязого парня – Ворота назвали его Криспином. Даже не так – *мастером* Криспином. Значит, ещё один старшекурсник... Скрестив на груди руки, тот насмешливо рассматривал новичков. Развлекался. Ещё и к окнам изнутри здания прильнуло множество любопытных лиц.

– Вы опоздали! – оповестила ректорша. Цветочная баронесса махнула изящной ручкой на Миру.

– Это всё она! Неизвестно где со старостой прохлаждалась...

– Опоздали все трое! – прервала её ректор. – Приём в Академию закончен.

Мира испуганно оглянулась. Рыжий крепыш затоптался на месте, сглотнул – и промолчал. Амариллис встрепенулась.

– Подумаешь, всего на денек-другой задержалась!

– На неделю, – уведомила её ректор.

– Всё равно ведь первые дни совершенно не важны! Я училась в столичной Алмазной Академии и...

– ...и была отчислена, даже не закончив учебный год! – припечатала ректор. Белоснежное лицо девушки пошло розовыми пятнами. Баронесса топнула ногой:

– Мой папа оплатил сразу за все годы обучения в этой вашей... провинциальной Академии, вы не имеете никакого права!..

– Деньги будут немедленно возвращены вашему батюшке, – хладнокровно парировала женщина. – Разумеется, за вычетом компенсации за упущенную выгоду и занятое место. – А вы двое, – она резко повернулась к Мире и её соседу, – можете что-нибудь сказать в своё оправдание? Или поведать мне, на что я ещё не имею права?

Неловко поклонившийся парень произнёс сипло:

– В дороге случилась непредвиденная задержка... Но это меня не извиняет, госпожа ректор.

– Вот именно, – согласилась та. – Что вы скажете, лесовичка?

Мира крепче прижала к себе корзину и молча мотнула головой. Показалось, или в устремлённых на неё блестящих глазах женщины и в самом деле мелькнуло разочарование: ожидала спора, ссоры, просьб? А Мира просто уже прикидывала, сколько времени займёт обратный путь домой.

– Так что, – попытожила ректор, – вы трое должны немедленно освободить территорию Академии!

Повернулась резко, метнув длинным подолом ступеньки, и двинулась наверх. За ней следом направилась так и не проронившая ни слова пара: дородная полная женщина в белом чепце и переднике поверх чёрного сатинового платья и лысоватый длиннолицый мужчина, слегка смахивающий на лошадь, тоже в чёрном (униформа здешних преподавателей?). Когда ректор вздёрнула голову, от окон разом отлепились лица и руки наблюдавших за этой сценой студентов. Ух, значит, она не только на новичков страх наводит!

Глава 3. ВЕЧЕРИНКА НА КРЫЛЕЧКЕ

Оказавшийся старостой златовласый проводник, обронив на ходу: «не отчаиваемся!», легко взбежал по лестнице за удалившимся начальством. Следом неспешно, посматривая через плечо на непоступивших, ушёл и чернявый студент. Опоздавшие переглянулись. Слишком поражённые, не промолвили ни слова, но и выполнять приказ грозного ректора не спешили.

Постояв в обнимку с корзиной, Мира и вовсе опустила на широкие ступени крыльца. Вытянула ноги, промолвила, ни к кому не обращаясь:

– Ух, устала-то как... И проголодалась. Перекусить, что ли?

Зашуршала, вытаскивая из корзины свёрток с жалкими остатками дорожной снеди. Помедливший крепыш присел поодаль, поставив между колен заплечную торбу. Мира отломила половину подсохшей лепёшки, протянула ему.

– Хочешь?

Парень торопливо привстал, отвесив поклон:

– Хочу, госпожа, спасибо, госпожа!

Цветочная баронесса пренебрежительно фыркнула:

– Госпожа!

Не обращая на неё внимания, парень продолжил:

– Меня зовут...

Жуя лепешку, лесовичка кивнула:

– Я слышала, ты говорил своё имя Воротам. Шазр Гаррх Рорих Ррунг из Рории. Я Мира.

Явно впечатлённый её памятью (ведь редко кто может выучить гномьи имена с первого, да и с десятого раза тоже!) парень поклонился ещё ниже.

– Благодарю, госпожа Мира, – наконец вновь опустившись на ступени, покопался в своей сумке и неуверенно протянул металлическую фляжку.

– Отведаете? Это дорожный напиток...

Он даже не успел договорить, как Мира выхватила у него флягу.

– Конечно! – Ещё бы не отведать! Она ведь столько слышала о придающем силы, заменяющем не только питьё, но и еду гномьем дорожном зелье! Правда, глотнула всё же с осторожностью, покатав на языке, мазнула по нёбу. Если и были в напитке травы, то наверняка особые гномские, подземные – ни одну не опознала. Горько-затхлый; густой, как кисель; щиплется. – Уф. Спасибо.

Метавшаяся перед крыльцом словно злая собака на цепи баронесса внезапно остановилась и воскликнула:

– Нет, папаша меня точно убьёт!

– Отчего ж ты так задержалась? – Мира протянула лепешку и ей, девушка раздражённо отмахнулась. Нетерпеливо оглядевшись и поковыряв носом лаковой туфельки ступеньку, тоже присела, заняв пышными юбками сразу треть лестницы.

– Просто решила навестить свою столичную кузину, хотела последний раз повеселиться и прикупить приличных нарядов, прежде чем отправиться в эту дыру!

– А из-за чего тебя из Алмазной Академии попёрли?

Баронесса сверкнула янтарными глазами. Отчеканила:

– Не *попёрли*, а исключили! Да потому что заправляют там точь-в-точь такие же старухи и старики! Не понимают, что девушка не может бездарно тратить всю свою юность над склянками с зельем и дурацкими пыльными свитками!

Вместо учёбы вечно убегала на танцы и свидания, перевела для себя Мира. Да ещё наверняка по делу и нет козыряла своим баронством и деньгами папы. Но столичная Алмазная Академия Магии для многих богатых-родовитых – мечта хрустальная, претендентов пруд пруди, вот и не стали там с ней цацкаться.

Баронесса внезапно сдулась, потеряв прямую осанку и горделивый вид. Повторила убеждённо:

– Папаша теперь точно меня убьёт! А потом ещё и всех денег лишит!

Мира не нашла ничего лучше, как протянуть ей в утешение гномскую флягу. Шазр дёрнулся перехватить, но Амариллис уже решительно присосалась к горлышку. С каждым глотком и без того круглые глаза её делались всё больше. Наконец оторвавшись от напитка, баронесса сунула флягу соседке (та немедленно передала хозяину), заявив с отворачиванием:

– Что за гадость вы пьёте!

Да и ты тоже, подумала Мира, наблюдая, как парень встряхивает фляжку, заглядывает внутрь и, в конце концов, с отчаянным видом выливает в рот последние капли – понял, что на обратную дорогу точно не хватит. Может, как и сама Мира, вышел ещё в середине лета...

– А что у тебя в пути за неприятности приключились, Шазр?

Тот ответил просто:

– Меня пытались убить. Следы пугать приходилось.

– А? Кто? – одновременно выпалили девушки. Парень пожал плечами как на само собой разумеющееся:

– Родственники.

– Чем же ты им так насолил?!

– Считают, если я буду учиться здесь, опозорю наш род.

Амариллис вздёрнула тонкие плечики.

– Я, конечно, знаю, что здешняя Академия безнадёжно провинциальна, но что она настолько ужасна?..

Гномы обычно предпочитают учить своих чародеев в собственных Школах магов. А если уж отправляют в чужие, это означает, что либо дар им неподвластен, либо... Мира склонила голову набок, заново рассматривая рыжего.

– Так ты полукро-овка...

Шазр вздрогнул, побурел лицом. Вымолвил, пряча серые глаза:

– Да. Так... заметно?

– Нет, я просто догадалась, – утешила Мира. И на самом деле, не услышь она его имени, сроду бы не поняла, что парень – гном. Гномы очень ревностно относятся к чистоте своей расы, полукровки (коли избежали уничтожения в колыбели) считаются неполноценными изгоями, а уж если такой осмелится выйти в белый свет и поступить учиться в межрасовую Академию...

– Так что, – парень сглотнул, – назад мне ходу нет.

– Ну, раз ты ухитрился добраться живым аж досюда, всё и дальше сложится! – подбодрила Мира.

Баронесса передёрнула плечами.

– Убивать лишь за то, что ты захотел где-то поучиться! Что за бесконечная дикость!

– Ты ведь сама говоришь, отец тебя убьёт, – напомнил Шазр.

– Но это же фигурально! – возмутилась девушка. – Задаст розг, чтобы неделю сидеть не могла, самое большое! А тебе... Мира, кажется?.. что будет, если вернёшься домой, не поступив в Академию?

Девушка отмахнулась, изо всех сил стараясь поверить в собственные слова:

– Да у меня родни столько, что моё отсутствие-присутствие вряд ли вообще заметят!

Двое поглядели на неё с искренней завистью.

То ли общая неудача подействовала, то ли волшебная фляжка – но цветочная баронесса неожиданно оттаяла.

– Давайте и в самом деле немножко перекусим!

Мира вновь нырнула в свою корзину, порылась символически.

– У меня только эта лепешка и осталась!

Шазр молча растянул завязки торбы, показывая её пустое нутро, не считая пары свитков и тощего свёртка одежды. Амариллис изящно отмахнулась от обоих, демонстрируя одновременно и красоту белоснежной руки и сверкающую ценность колец-браслетов, которые на неё нацеплены.

– Ах, это совершенно не проблема! Ну-ка...

Девушка поманила пальчиком стоявший поодаль ридиколь масляно-жёлтого цвета. Насколько Мира помнила, остальные многочисленные баронессины вещи как раз выгружались у Ворот. Сумка встрепенулась, подпрыгнула в воздух и поплыла к крыльцу. Теперь уже лесовичка глядела с завистью: у гнома имеется его знаменитый напиток, у «цветочницы» – самоходной багаж, а у неё самой в корзине ничего хоть мало-мальски волшебного. Не сочтёшь же за волшебство кое-какие прихваченные из дому травы! Деловито сместив в сторону обручи своих юбок, Амариллис перво-наперво расстелила на ступенях белый шёлковый платок и принялась доставать из ридикюля яства за яствами – все сплошь в фарфоре и золочёных шкатулочках. Конечно, когда у тебя такая сума, о вместимости и тяжести можно не задумываться! Друзья по несчастью жадно всё рассматривали и ко всему принохивались. Последней баронесса бережно извлекла внушительную бутылку из разноцветного фигурного стекла.

– А что у меня е-есть!

– Бражка? – понимающе спросила Мира.

Амариллис оскорбилась.

– Какая бражка?! Это же «Сольмейское золотое»!

И не подозревавшая до сего дня о существовании подобного напитка Мира моментально сделала почтительное лицо, ещё и пихнула в бок открывшего рот для вопроса Шазра: не дай боги, баронесса обидится окончательно, и попробовать не доведётся! Простодушный гном тычка не

понял, но на всякий случай промолчал и скопировал выражение её лица. Удовлетворённая баронесса принялась потчевать своих товарищей по несчастью. Правда, в своеобразной манере: «А вот это то-то и то-то... сомневаюсь, что вам когда-нибудь приходилось такое пробовать, поэтому не проглатывайте не жуя, насладитесь тонким вкусом... а эти моллюски из Бухты Радужных змей, вы, конечно, там не бывали, туда пускают только избранных...» Оголодавшая за время пути в Академию парочка мало вникала в комментарии и в изыски, на которые пытались обратить их непритязательное внимание, лишь угукала и понимающе мычала, энергично работая челюстями.

А драгоценное «Сольмейское» и вовсе оказалось выше всяких похвал! До такой степени, что троице стало уже совершенно не до сегодняшнего провала, не до захлопнутых перед ними дверьми в Академию (в фигуральном и прямом смысле захлопнутых, ведь за всё это время никто не вышел и не выглянул прогнать непоступивших). И даже не до того, что их ожидает дома.

Все устроились, как могли удобно, на нагретых солнцем ступенях. Кстати, само солнце почему-то уже начало садиться, хотя они вроде только-только шагнули за ворота Академии... А некоторые даже *вкатились*, добавила про себя Мира, благодаря одному грубому местному молодчику. Подперев голову, глядела на своих недолгих соучеников.

Опершись спиной о самоходный ридиколь, Амариллис, размахивая рукой, рассказывала нечто бессвязное, но наверняка крайне занимательное: например, сколько раз её приглашали на балу у августейшей кузины или как хвалила её фигуру и цвет кожи знаменитая столичная модистка.

Шазр, подложив под голову торбу и скрестив на груди руки, тихо пел бесконечную гномскую песню: ни слова не поймёшь, сплошные горловые переливы, очень странно, но симпатично. На душе у Миры было совершенно распрекрасно, в голове – великолепно пусто и гулко. Девушка чуть сама не запела: хорошо, удержалась, а то на её песню сбежались бы все местные – с поспешно изготовленными кляпами. Все говорят, что поёт она преотвратно, а потому Мира решалась это делать только в глубине Пущи или при заговорах. Девушка обняла обеими руками корзину и улыбнулась: завтрашний день отодвинулся куда-то далеко-далеко, чуть ли не в самую глубокую старость, а нынче уже можно ничего не решать и ни о чём не беспокоиться. Глаза, утомлённые слишком яркими сегодняшними впечатлениями, а пуще всего – слишком редкостными напитками, – просили отдыха, и девушка их прикрыла. Ненадолго...

– Способные детишки!

Друзья с восхищением обзревали бивак, нахально разбитый на крыльце незадавшимися первокурсниками. Рыжий парнишка невозмутимо храпел, скрестив руки и ноги, словно возлежал у себя на кровати, а не на холодных каменных ступенях. «Цветочница» откинулась на большой ридиколь, накрыв лицо и открытые плечи шёлковым платочком, сопела потихоньку – соблюдает аристократизм даже во сне. Лесовичка, как

назвала её ректор, свернулась вокруг своей корзины, будто кошка вокруг пойманного клубка. И спала бесшумно, тоже как кошка.

– Устроили коллективную попойку прямо под носом у нашей Ведьмы. – Присевший Артур вдумчиво понюхал пустые флягу и бутылку. – Оу, да я им даже завидую! Конечно, после такой выпивки – ни забот, ни хлопот!

Криспин аккуратно выудил из торбы гнома широкий клинок, еле увернувшись от попытавшегося его схватить хозяина: похоже, тот действовал чисто рефлекторно, во сне, потому что медленно вернул руку на грудь и захрапел дальше.

– Гляди-ка, ножичек!

– Ну надо же, гном – и с ножом! – «удивился» Артур. – Да они с ножами прямиком из утробы матери являются!

– Интересный, никогда таких не видел. – Криспин очень аккуратно, словно стараясь не оставить отпечатков пальцев, повертел перед глазами нож. Оплошал, когда машинально проверил его остроту. – Ай! Ящерицын сын!

– А не хватайся за чужое!

Приятель сердито сунул нож под торбу рыжего, вновь отдернув ногу от капкана его сонной руки. Пробурчал, посасывая порезанный палец:

– Что с этими делать будем? Ночью холодно уже, да и Сторожа скоро выйдут...

– Давай хоть девчонок внутрь перетащим.

– Чур я – лесовичку! – быстро сказал Криспин. Для верности ещё и, как при игре в классики, перепрыгнул через остатки пиршества и пару ступеней к девочке-с-корзинкой.

Артур фыркнул:

– Понятно, кому хочется тащить по коридорам все эти юбочные обручи! Или ты просто хотел лесовичку втихомолку потискать? Я вообще-то имел в виду трансгрессировать обеих.

– Ну да, у баронески в её так называемом платье нащупаешь только металлический каркас и китовый ус, – проворчал друг, выпрямляясь. – Куда ты их? В девчачье крыло?

– Что-то мне подсказывает, что им с утра понадобится помощь нашей доброй Иды...

– Откуда ты знаешь, может, они с самой колыбели глушат вино бутылками, ещё и закусывают при этом гномьими дорожными хлебцами?

Оба синхронно передёрнулись, вспомнив те самые опробованные однажды хлебцы.

– Всё равно подстрахуемся, – сказал Артур, подворачивая рукава мантии. Отступивший Криспин присел на парапет, хотя вряд ли чем мог бы помешать старосте Академии. Как и помочь. Его собственные навыки трансгрессии были настолько жалкими, что он и под страхом смерти не мог переместить даже неодушевлённый предмет, что уж говорить о живых существах!

«Цветочницу» приподняло с земли, слегка кругнуло вокруг своей оси, как будто Артур поворачивал дротик, прежде чем метнуть его в мишень. Криспин моргнул – и девчонка исчезла вместе со всеми обручами; только шёлковый платочек спланировал на ступеньку. Надо думать, возлежит уже на госпитальной койке. Со второй девицей неожиданно оказалось трудней: лесовичка ни за что не желала расстаться со своей корзиной. Даже во сне. Даже при трансгрессии.

– Наверное, уже новых лягушат туда напихала, – предположил Криспин, – не хочет с ними разлучаться. Но с этой корзиной я её уж точно никуда не потащу, так что старайся, друг мой, инициатива наказуема!

Артур бросил на него хмурый взгляд, помедлил, шевеля губами – рассчитывал поправку на возможные живые существа в корзине – заметно напрягся и отправил-таки девчонку к её сиятельной собутыльнице.

– А с этим что? – Криспин кивком ботинка указал на продолжавшего сочно храпеть парня. Артур отмахнулся.

– Ничего с ним не случится. Это же гном! Пошли. Пора запирать двери.

Но Криспин по пути в корпус всё же наклонился и заботливо прикрыл гнома шёлковым девичьим платочком.

Насколько хватило.

Надежда КРАСИЛЬНИКОВА

Озеро русалок

(Фрагмент романа «Сомнис»)

Я не решился бы рассказать о событиях прошлой ночи никому, иначе неминуемо рисковал бы попасть в лечебницу для душевнобольных, чего мне совсем не хотелось...

Но мне необходимо было узнать дорогу и выяснить хотя бы примерное расстояние до Сомниса, проезд в который, впрочем, уже начинал меня пугать, но мне ведь необходимо было где-то остановиться. Итак, мне необходимо было найти местных жителей, но есть ли здесь местные? Я ведь даже не знал, где нахожусь, и не мог определить, является ли это место частью какого-то города, или напротив заброшенным местом за пределами городской черты.

Ради сохранения своего рассудка, я предпочёл надеяться на то, что встречу хотя бы одного человека, а значит, необходимо было выдумать какую-то легенду, объясняющее моё появление в столь редко посещаемом месте.

Разглядев своё отражение в глади воды, я понял, что для начала мне необходимо привести в порядок свой внешний вид, поскольку отражение выглядело довольно жутко: следы крови на мокрой, частично обгоревшей одежде, рука покрытая коркой крови, грязное лицо со следами сажи, вздыбленные волосы.

Утешая себя мыслью о том, что вода в конце апреля всё же теплее, чем в марте, я нырнул.

Вода, показавшаяся мне обжигающе холодной, всё же отрезвила меня, видимо после пережитых событий это было как раз то, что нужно.

Вымывшись, после некоторых колебаний я всё же приступил к стирке своей одежды, и почти успел её закончить, когда услышал голоса.

Голоса раздавались откуда то... снизу и разгорячено спорили. Думая о странностях местной акустики, которыми могла быть вызвана моя ошибка восприятия, я всё же попытался разобрать речь, которая впрочем, оказалась довольно непонятной.

– О чём ты думаешь? Неужели ты и в самом деле предлагаешь помочь ему? Но зачем?!?

– Из чистого любопытства. Я хочу увидеть его путь, я не знаю всего, но чувствую, что у него необычная судьба, но без нашей помощи он не найдёт к ней дорогу...

– Но его ЖДУТ там? Ты ведь знаешь, что нельзя отправлять в этот мир тех, кого никто в нём не ждёт.

– Сейчас его не ожидают и даже не знают о нём, но в скором времени он войдёт в её жизнь, и она будет ждать...

– Она? О ком ты говоришь? Можем ли мы нарушить правило ради него?!? Чем он отличается от тех, кто приходил к нам с этой просьбой и получал отказ? Он ведь даже не знает...

– Я не могу сказать тебе кто она, но мы не только можем нарушить ради него запрет, но обязаны это сделать.

В следующую секунду откуда-то из глубины выплыли две светловолосые, обычные на вид девушки. Ни одна из них не представилась мне, более того они запретили мне называть им своё имя.

Одна из них, старшая на вид, вручила мне красивую, но в то же время уродливую ракушку. Необычность расположения витков, трещины на поверхности, покрытой слизью, делали её отталкивающей, но в то же время необычайно притягательной.

Девушки объяснили мне, что для того чтобы попасть в Сомнис, я должен нырнуть, а ракушка послужит мне порталом и пропуском в это странное место.

Они объяснили мне, что Сомнис не является ни нашим миром, ни каким-либо иным миром, что он только прослойка между мирами, межмирье, некая возможность или шанс. Существование этого места наиболее просто объяснялось в образе торта: если представить наш мир и другие миры коржами этого торта, то Сомнис и подобные ему места были как бы кремовой прослойкой, не являющейся частью ни одного из миров, но при этом скрепляющими миры и как бы пропитывающие их собой.

С одинаковой вероятностью мой город можно было назвать как Недомиром, так и Сверхмиром, возможно, существовали и иные названия для таких мест, но я не был искущён в метафизике и не знал их, к тому же

был уверен, что мой неискущённый язык достоверно передаёт мои впечатления об этом, а большего мне пока и не требовалось.

Также я узнал, что мог попасть в это место на поезде, который я уничтожил, тем самым лишившись этой возможности, поэтому единственный оставшийся мне путь пролегал под водой.

Глубоко вздохнув и набрав побольше воздуха, я нырнул...

Проталкиваясь сквозь толщу воды, я впервые за последнее время ощущал себя в безопасности, несмотря на то, что плавал довольно посредственно, и всегда считал воду враждебной стихией.

Погружаясь, я совсем потерял счёт времени, мне казалось, что проходят не секунды, а часы, хотя я и понимал, что моё погружение не могло длиться дольше нескольких минут. Если только разум меня не обманывал, я уже должен был приблизиться ко дну, но я всё ещё не ощущал впереди тверди, впрочем, за последние дни я привык ничему не удивляться, хотя всё ещё искал разумное объяснение: «Пророчицы? Да просто две девчонки-дачницы, решившие пошутить надо мной, не более того. А имен не сказали... да подумаешь, может быть, убежали из дома или просто не хотят знакомиться ближе, может я им не понравился».

Длительность своего погружения я тоже пытался объяснить логически – усталостью и вызванной ей заторможенностью реакций мозга. Даже сейчас я всё ещё пытался объяснить себе происходящее логически, отказываясь замечать даже самые очевидные странности.

Итак, через некоторое время моё погружение окончилось, но я не успел даже заметить его окончание, просто в какой-то момент вода сменилась лесной тропой, стоя на которой я и сам не мог понять, как я сюда попал.

«Чудо, странность», – твердили глаза, «сумасшествие», – уверял мозг.

Пожалуй, легче было признать себя сумасшедшим, чем принять на веру происходящие события, иначе и снявшиеся мне кошмары пришлось бы признать реальными, и ещё, в какой-то момент, разговаривая с девушками, я увидел ажурные, словно вытканые из паутины... хвосты.

Я никогда не верил в русалок, да и сказки и суеверия называли русалок нечистью, во что я просто не мог поверить, вспоминая сестёр.

Нет, конечно, у меня не было возможности дотронуться до них, но я был уверен, что у них тёплая человеческая кожа и кровь, неотличимая от моей, поэтому считал кощунственными полуанекдотические сравнения русалок с рептилиями или рыбинами.

Теперь я был уверен, что моя встреча, если только она не была спланированным розыгрышем, убедительно доказывала что русалки... люди. Возможно они относились к иному человеческому виду, но их принадлежность к людям, пусть даже иным, больше не вызывала у меня ни малейшего сомнения.

Я стоял на неизвестной мне тропинке, но других дорог поблизости не было, поэтому я решил довериться случаю и идти, надеясь на своё везение. Должен же я хотя бы раз в жизни выиграть хотя бы одну лотерею? Так

почему бы не эту, тем более что выигрыш значительно отличался от того, который обычно указывали на лотерейных билетах; мне предстояло выиграть не деньги или машину, мне предстояло выиграть новую жизнь, шанс, дорогу. Выигрыш редкий, но и охотников на него не много, а я словно нашёл свой выигрышный билет!

В этот момент моё сердце испуганно ёкнуло от понимания того, что лотерейные билеты часто проигрывают, и я понял, что в случае проигрыша мне предстоит проиграть не деньги, а что-то иное, вероятно в несколько раз более ценное. «Что-то более ценное, чем деньги и вещи, но что?»

Ответ не заставил себя ждать...

Я ощущал странное равнодушие, думая о произошедших событиях. Тревоги почти не было, был только горячий и неотвязный страх, но и боялся я не за себя... боялся я за сестёр.

Не знаю, были ли они и вправду сёстрами, но их необъяснимое внешнее сходство и привычка угадывать слова друг друга ещё до их произнесения, говорили о достоверности моего предположения.

Я боялся. Я не хотел, чтобы люди, относящиеся к русалкам как к чудовищам, разрушили мир этих девушек. Я уже давно понял, что окружающие привыкли скорее разрушать, чем создавать. Возможно, поэтому я и не боялся за себя, да и как может бояться тот, кто никогда и не был в безопасности?

Пользуясь передышкой, я подумал о своей жизни. Я знал, что для многих безопасность ассоциируется с матерью, и, подумав об этом, вздрогнул. Конечно, у меня была мать, и, вероятно, она даже была бы красивой, если бы не мой отец. Когда я подросток, моя мать напоминала скорее испуганного зверька, чем красивую и полнокровную женщину, возможно, поэтому я предпочитал не думать о своей семье, да они о себе и не напоминали.

Я посмотрел на речную гладь, думая о том, как сложилась бы моя жизнь, если бы меня воспитали не люди.

Раньше часто бывало, что я чувствовал себя волчонком, идущим по следу, осторожной белкой или коварной лисой, но с возрастом я начал забывать об этом, считая это глупостями. Может быть – зря?

Вместе с тем я понимал, что эти фантазии давали мне возможность для отступления, возможность не быть здесь, в привычном мире, в нелюбимом доме, да и просто не чувствовать себя одиноким.

Сейчас я подумал об этом в другом ключе, ведь я мог бы быть братом или женихом одной из встреченных мной сестёр-русалок... что было бы тогда? Думаю, я не чувствовал бы себя таким одиноким, но и человеком, вероятно, не был бы. Мой мир обладал бы иной системой координат, с другими понятиями зла и добра, да и есть ли в их мире добро и зло?

В этот момент я почувствовал, что начинаю внутренне изменяться. Прежний я съёжился бы от ужаса и уж точно не беспокоился бы о судьбе случайно встреченных сестёр. Моя прежняя душа выла бы диким и жалким щенком о собственном выживании, испытывая тревогу и страх, и уж точно не испытывая сочувствия к другим.

Да и вопросам, беспокоившим меня теперь, вряд ли нашлось бы место в моей прошлой жизни... вряд ли в моём окружении был хоть кто-то, думающий о таких вещах, вряд ли хоть что-то из моей прошлой жизни вообще было способно вызвать подобные воспоминания.

«Значит, я изменился», – подумал я неожиданно спокойно. Я ещё не знал, изменился ли я, скидывая чужую личину и становясь внутренне собой, или же наоборот, обрстая чужой личиной и забывая свою личность, это ещё предстояло выяснить. Я понимал что, вероятно, меня ждут так же и внешние изменения в будущем. «Кем я стану? Каким я стану?» – думал я, не испытывая ни внутреннего протеста, ни сожаления, ни грусти.

Хотелось так же узнать, этого ли желал мой бывший одноклассник, послав мне письмо с приглашением, хотел ли он помочь или сам стал жертвой обстоятельств и заманил меня в ловушку?

Дарья ОРШАНСКАЯ

Второй шанс

Он шёл по ночной улице. Не чувствуя холодного ветра, задувавшего в поднятый ворот куртки, он смотрел на небо и чертыхался. Пару раз он даже выразился покрепче. Он время от времени отхлёбывал из бутылки, которую держал в руках. Запах пива, мужского пота и усталости... он представлял собой довольно жалкое зрелище.

Ему было жарко. Щёки горели, а по спине бегали мурашки. Он ещё успел подумать, что эта бутылка, выпитая им после вечерней попойки, была явно лишней...

На душе было гадко.

Ещё выходя из дома, он нацепил на себя чёрные очки. Он любил эти затемнённые стёкла – не видно глаз, а следовательно, нельзя заглянуть в душу... Но сейчас, поздно ночью, они были явно лишними... Никто не мог порываться в его воспоминаниях, никто не мог просто посмотреть на него, понять, о чём он думает... а вот дороги из-за этих чёртовых очков видно не было.

Темнота... И туман. Да-да, точно, туман! Он засмеялся и поднёс бутылку к губам, но не выпил. Остановился. Бросил бутылку на землю. Прислонился к стене дома.

Туман окутывал его едва ощутимым облаком. Он оседал капельками влаги на одежде, от его присутствия в этом ночном городе становилось зябко...

Он засмеялся – сам не зная, почему. Просто весело было... той горькой радостью, когда их много, а ты – один... и зашагал к дороге.

Он дважды споткнулся, вина во всём туман. Дороги почти не было видно. Когда он споткнулся ещё раз, он раздумал вставать. Зачем? Он закрыл глаза и втянул губами терпкий и влажный воздух, холодный воздух ночного города...

И поэтому не увидел свет фар, рассекающих тьму и разгоняющих туман...

В ту ночь ей не спалось. В ту ночь она была одна. Она привычно включила компьютер, надеясь развеселить себя какой-нибудь игрушкой, но не тут-то было. Монотонные стратегии навевали тоску. Стрелять в разных монстров ей претило. А нудные симуляции вроде «Симов» её сейчас просто раздражали...

Она запустила текстовый редактор и застыла перед чистой страницей. Она любила иногда писать стихи или рассказы, но сейчас на ум не шло ничего. Ничего, кроме того разговора...

Может быть, прыгнуть из окна? Этаж всего-навсего пятый, но шанс разбиться до смерти всегда есть, даже если падаешь со второго. Нет, не хочется... не хочется даже этого...

Да что это с ней сегодня?!

Из духа противоречия она включила музыку. Громче, громче! Blink-182?! Отлично! Замечательная музыка... для того, кто хочет покончить жизнь самоубийством...

Она всё же открыла окно. Не для того, чтобы спрыгнуть – а чтобы удостовериться, как легко на самом деле это сделать. А это очень просто. Чёрт... и карниз такой скользкий, зараза...

Она ещё успела вскрикнуть, падая вниз. Её рука безвольно скользнула по холодному железу – и исчезла, растворившись в наполненной туманом темноте...

– Кто здесь?!

Не было никого. Только он и туман.

Он рывком повернулся и огляделся вокруг. Никого, он наедине с туманом...

А как же свет фар? Визг шин, он же слышал его наяву! Или это было во сне?..

– Кто здесь?

Голос девчоночий и как будто знакомый... повинуясь внезапному порыву, он метнулся вправо и протянул руку. В его ладонь угодило чьё-то узкое запястье.

– Больно!

Он пробормотал извинение и посмотрел ей в лицо. Это была она.

Та девчонка, которой он вчера сделал очень больно...

Он воспользовался ею, забыв о её душе... о том, что другим тоже бывает холодно, не только ему одному...

– Привет, – улыбнулся он. Глаза его были скрыты под тёмными стёклами очков.

Она безразлично взглянула на него.

– Привет.

Он чувствовал себя неуютно. Она была не такая, как тогда, как вчера... она была...

Она была *неживая*.

– Эй, – он снова улыбнулся, но уже растерянно, – эй!
Она смотрела на него, и глаза её были пусты.
Тогда ему стало по-настоящему страшно.
– Ты помнишь меня? – спросил он. И тогда она кивнула.
– Да... – произнесли её губы. – Я помню только тебя... и больше ничего...
Он притянул её к себе, вглядываясь в глаза, пытаясь найти хоть искорку жизни...
– Нет, – шептал он. – Нет!
И, сам не зная зачем, он поцеловал её.
Её губы тоже были мертвы...
Зато теперь ожили глаза.
И в них было столько боли и неразделённой любви, обречённости, что он, не выдержав, нагнулся и поцеловал её второй раз.
И этот поцелуй был уже другим.
Её губы оттаяли. Она ожила. Она ответила ему – и что-то произошло в его душе...

Он очнулся от боли. Ничего не понимая, потёр лоб. На пальцах он увидел кровь.

Ссадина. И только?

Вокруг была ночь. Рядом валялась брошенная им бутылка пива. Дорога была рядом. Он сделал шаг вперёд, запнулся и чуть не упал.

Тогда он остановился, улыбнулся и снял свои очки.

– Чёрт... – пробормотал он. – Вот чёрт...

Она очнулась за компьютером. Руки её лежали на клавиатуре. Пустая страница манила неразгаданными тайнами. А колонки молчали...

Юрий СОКОЛОВ

Новобранец для герцога

(Из романа «Своя игра-1. Уклонист его величества»)

Глава 1

Я вышел из военкомата в прекрасном настроении. И с чувством честно выполненного долга – перед самим собой. Остановился на крыльце, открыл военный билет и прочитал ещё раз милые сердцу слова: «Ограниченно годен к военной службе». То есть не годен к ней в мирное время. Вот так. И в гробу я видал вашу армию.

Мне всё же удалось открутиться от призыва. После долгих мытарств и с помощью тысячи уловок, – но удалось. И почему, спрашивается, я должен был поступить по-другому? Любое стоящее образование у нас давно платное. Любые медицинские услуги, после которых не останешься инвалидом, тоже платные. Куда ни сунешься – везде плати, за каждую мелочь. А как в

армии служить – так я это с какого-то перепуга обязан делать бесплатно? Нет, граждане начальники! Если у нас рыночная экономика, так делайте её рыночной везде. А то слишком кайфово жить будете. Впрочем, вы так и живёте, правильно? Вот и я хочу жить кайфово, чисто в своё удовольствие. И делать что-то готов только за деньги. Причём за хорошие.

Спустившись с крыльца, я огляделся, всё ещё держа военник в руке. Надо как-то отметить событие! Чего бы придумать такого, чтоб надолго запомнилось?

Но придумать я ничего не успел. Асфальт тротуара развёлся под ногами, мир вокруг закрутился в красочном водовороте, а потом меня швырнуло бог весть куда. На что-то твёрдое. В глазах темно, в животе крутит, я изо всех сил пытаюсь справиться с тошнотой, а в ушах звучит невыносимо напыщенный голос:

– Радуйся, презренный червяк! Ты призван в ряды Народного ополчения его королевского величества Бальдура Великолепного! Гордись оказанной тебе честью и приложи все усилия, дабы оправдать доверие!

– Но я не годен к службе, – машинально пробормотал я, всё ещё стараясь сдерживать рвоту. Надо хоть сперва разглядеть, куда блевать. Темнота в глазах сменилась радужными кругами, но кроме них всё равно ни хрена не видно.

– То есть как – «не годен»? – спросил другой голос, уверенный и грозный. – Что за детский лепет? Раз сюда попал, значит – годен, и нечего вешать мне на уши спагетти. И вертикально встань уже – чего развалился? Ноги от счастья отказали?

Я помотал головой, стараясь разогнать цветастые круги, увидел в просветы меж ними чьи-то сапожищи, утвердившиеся на серой брусчатке, и не без труда поднялся.

– Давай документ! – потребовал стоящий напротив бородач в латах, презрительно меня осмотрев.

Я тоже себя осмотрел – и ужаснулся. Вместо нормальной одежды на мне были грубые холщовые штаны, такая же рубаха и суконный плащ. Плечи что-то давило и слегка оттягивало назад. Я ощупал их – давили верёвочные лямки. Завёл правую руку за спину – котомка... В левой руке свиток. Пергаментный, мать его.

А вокруг... Вокруг меня был средневековый замок. То есть то, что обычно бывает внутри его стен.

Сглотнув ком в горле, я устоял на бородача.

– Чего пялишься? – спросил он. – Людей ни разу не видел? Присылают всяких, – а ты с ними возись!

С этими словами бородач выдернул у меня из ладони свиток, развернул и стал читать.

– Не годен в мирное время... Ага! – обрадовался он. – Так что ж ты мне голову морочишь? Ясно же написано: «в мирное»! А у нас война тридцать четыре года как идёт. И поэтому ты годен, превосходно годен!

– Но у меня... – начал было я.

– Что у тебя? – оскалился бородач. – Болеешь чем? Так я тебя сейчас мигом от всех болезней вылечу!

И он потянул из ножен меч.

– Нет, что вы! – заторопился я. – Здоров, господин сотник, полностью здоров!

– Вот так-то лучше, – подобрев сказал «господин», засовывая меч обратно. – Только я не сотник, а управляющий. Твой сотник с утра на плацу, новобранцев вроде тебя дрессирует. Айда в арсенал, а потом я тебя как раз на плац и перенаправлю. Да интерфейс-то включи, дятел! Ты как вообще без него живёшь? Не удивляюсь твоей ограниченной годности. Кому в мирное время нужны такие... альтернативно-одарённые.

Чего-чего включить? Интерфейс?..

Однако подумать мне не дали.

Понукаемый и погоняемый, я пошёл по дворикам, коридорам и галереям замка, периодически переходя на лёгкую трусцу. Бородач бодро хромал следом, не спуская с меня глаз и подбадривая ругательствами. Под конец он меня обогнал, сдвинул в сторону стоявшего у дверей арсенала стражника, и мы вошли внутрь. В трёх шагах от входа оружейный склад перегораживал длинный дощатый стол – кривобокий, грязный, кое-как сколоченный, похожий на прилавок. Протиснувшись в промежуток между ним и стеной, управляющий ухромал вглубь заставленного стеллажами и сундуками помещения, скупо освещаемого естественным способом через немногочисленные зарешеченные окна.

Я сбросил с плеч котомку и бухнулся на скамью справа от входа. Куда, чёрт побери, меня занесло? Надо срочно это понять, пока есть время. Причём соображать лучше правильно, если хочу жить. По реакциям бородача ясно – здесь долго рассусоливать не станут. Не вступишь в представления местных о прекрасном или ошибёшься в чём важном – снесут башку, и все дела.

Окружающее похоже на Средневековье, но даже короткой пробежки по замку и быстрых взглядов по сторонам хватило, чтобы понять: оно какое-то ненатуральное. То есть, нет – очень даже натуральное, и я ни секунды не сомневался, что если бы бородач сгоряча действительно врезал мне мечом, то последствия были бы для меня самые плачевные. Однако обстановка сильно напоминала виденное в художественных фильмах, знакомое по книгам. Была до боли родной. Вряд ли я так воспринимал бы действительность, попади в настоящее прошлое нашей цивилизации.

И ещё – откуда-то знаю язык, на котором здесь говорят.

И ещё – более чем странное употребление бородач слов и выражений, со Средневековьем не связанных...

Я вспомнил про совет включить интерфейс. В самом деле дятел – что я без него пытаюсь разобраться, когда можно с ним. А как его включить? Потеряв несколько секунд на раздумья, я не нашел ничего лучше, как негромко сказать:

– Интерфейс!

Он развернулся в воздухе перед глазами. Поверх всплыло окно с приветствием новому участнику, которое я тут же закрыл, чтоб не мешало видеть остальное.

Имя: Иван

Раса: человек

Класс: воин (новобранец)

Уровень – 1

Сила – 1

Ловкость – 1

Выносливость – 1

Удача – 1

Хладнокровие – 1...

И так далее – все характеристики по единичке. Самих характеристик – мама не горюй... Свободные очки – 20, мана – 5/100, живучесть – 30/100.

«Вы можете говорить, читать и писать на общем, и ещё одном языке на ваш выбор».

«Вам доступно ускоренное овладение одним навыком на ваш выбор...»

Ну точно – это игровой интерфейс. Для управления достаточно сфокусировать взгляд на нужном элементе и дать мысленную команду. Я в игровом мире, неотличимом от реального. Вот почему Средневековье вокруг такое – книжно-киношное. И бог весть, что читали и смотрели для вдохновения разработчики. Или кто там сотворил то дерьмо, в которое я вляпался.

Кстати: а как я в него вляпался?

Тут мой разум дал сбой. На планете Земля не существовало технологий, позволяющих создавать что-то подобное. А где они могли существовать ещё, здравых идей в голову не пришло, и я решил отложить вопрос на потом. В конце концов, сейчас главное – жизни не лишиться. Рассмотрение возможных вариантов попадания сюда важно лишь для поиска способов выбраться отсюда. Для чего надо сперва освоиться здесь. Да и бородач уже перестал ругаться и хлопать крышками сундуков в недрах арсенала, и обратно топает с охалкой какого-то брякающего барахла...

– Вот, получи! – радостно сказал он, дотопав до стола и вывалив барахло на него. – Остальное-то ведь у тебя с собой?

– Да, господин управляющий! – поспешно подтвердил я, опасаясь последствий за иной ответ. Ну и котомку пока не проверял же – может, в ней и лежит «остальное».

Слишком поздно меня озарило, что если в котомке всего нужного не лежит, последствия могут оказаться тяжелее.

– Ну-ка, дай я проверю! – нахмурился бородач.

Преодолев слабость в коленях, я поднялся с лавки и поставил котомку на стол. Развязал. Выложил содержимое:

1. Штаны и рубаху – такие же точно, как на мне.

2. Прямоугольный кусок холстины, похожий на полотенце или маленькую скатёрку.

3. Котелок.
4. Деревянную ложку, миску, кружку.
5. Пять караваев хлеба – страшноватых на вид, но вкусно пахнущих.
6. Копчёный окорок.
7. Большой кусок солёного сала.
8. Несколько луковиц и головок чеснока.
9. Увесистый мешочек килограммов на пять, после извлечения которого мои руки оказались в муке.
10. Ещё один мешочек – вроде, с фасолью.
11. Огниво и симпатичный наборчик для ремонта одежды и обуви.
12. Прочие припасы и принадлежности походно-хозяйственного обихода.

В целом наполнение котомки выглядело так, словно меня собирали в дальнюю дорогу любящие родители – крестьяне среднего достатка, которых собственный феодал и соседние потрошар не слишком часто.

– Вижу, всё в порядке, – успокоился бородач. – Складывай, складывай обратно! Экий ты тормоз, право... Стой, а деньги? Деньги при тебе?

– Не знаю, – честно ответил я, памятуя о своей недавней поспешности и не желая больше рисковать. Пусть хромоногий считает меня тормозом. Пусть идиотом. Может, оно и лучше. Может, по психической статье спишут вчистую. Удастся откосить от службы и здесь – то-то будет праздник! Хотя сперва хорошо бы разведать, как местные относятся к сумасшедшим, – отпускают с миром или сжигают на костре.

– А кто знает? – свирепо осведомился бородач. – Я должен знать, есть ли у тебя деньги? И откуда такие олухи берутся, да простит меня Создатель! Ладно, дай посмотрю!

С этими словами он распахнул на мне плащ, сунул под него руку, похлопал по пояснице, повернул к себе спиной, развернул обратно и потряс перед моим носом тугим кожаным кошельком, похожим на кисет.

– Вот твои деньги! И, конечно, ничего не потрачено?..

А где бы я успел потратиться, подумал я, но промолчал.

– И сколько тут у тебя? Десять золотых, полсотни серебра и сотня меди... Да, вся сотня, до медяка... Хорошо придумал герцог с этой переброской новобранцев. Правда, все вы ошалелые после неё какие-то. Но только прикинь, как бы ты добирался на службу своим ходом. И каким пришёл. Грязным, голодным, обтрёпанным – и без единой полушки. Штаны на смену – и те продал бы. Знаем мы ваших сельских старост! Так и норовят денежное довольствие рекрутам урезать. Кому два месяца до места добираться – на месяц дают... Радуйся и благодари герцога. И Бальдура Великолепного – да продлится его владычество.

– Но ведь я...

– Что – ты? Что – ты? Я уже понял, что ты редкостный осёл, – всю твою тупость даже на переброску не спишешь. И откуда тебя только Герхард выкопал? Марш на плац!.. Стой, куда?.. А оружие и снарягу кто забирать будет? Вот, бери. Как особо талантливому объясняю: это подкольчужная рубаха. Надеваешь её – не ошибись! – под кольчугу.

Шлем – на свою пустую башку. Щит на левую верхнюю конечность – не на нижнюю! Меч берёшь в правую.

– А если я левша? – ни с того ни с сего брякнул я. На секунду забыл, где нахожусь.

– А если ты левша, то тебе следует немедленно отрубить левую руку! – взревел бородач. – Так ты левша, сын сатаны?

«Не-е-е-т!» – хотел заорать я, но отнялся язык. Вот почему он сейчас отнялся, а не парой секунд раньше?

– Да не дрейфь, темень деревенская! – расхохотался бородач. – Полвека уж как левшам руки не рубят. Ибо Святой вселенской церковью на Фескейском соборе признаны верными слова пророка Искима, что левши сотворены Создателем наравне с правшами... А теперь на плац – тренироваться! И советую подойти к занятиям серьёзно. У нас, конечно, не как у Людвига Дельмерского – на второй день уже в дело. Мясо для рубки мы врагу не поставляем. Однако если ты ко дню великомученицы Елены должный уровень не наберёшь, пеняй на себя. На войну отправишься всё равно. Хоть как достойный ополченец его величества. Хоть как мясо для рубки. Уж поверь старине Снурфу – так и будет.

Глава 2

Я думал, Снурф отберёт у меня съестное и кошелёк, однако он ничего не взял. Не понял! Здесь так хорошо с продуктами и деньгами? Ну ладно, он не стал брать всё, – но сало с окороком и золото с серебром забрать был обязан. Или порядки в герцогстве настолько строги, что он не решился? Или на должности управляющего наворовал уже столько, что не лезет?

По дороге на плац я всё ждал, что меня пихнут в тёмную каморку или укромный закуток, где и лишат наконец излишних богатств. На отечески-суровой роже Снурфа было написано, что он способен и на это, и на гораздо большее. В арсенале, привязывая кошелёк обратно под плащ, я обнаружил на поясе приличных размеров нож. И теперь раздумывал, не пустить ли его в ход, если Снурф позволит себе что-то кроме простого богоугодного грабежа лопухого новобранца. С одной стороны, с моими начальными характеристиками драться со Снурфом бесполезно – он меня уделает. Но позволить себя трахнуть в первый же день первому встречному? Да ни за что! Лучше смерть.

Собственно, меня сейчас любой уделает – кроме таких же, как я сам. Даже поварёнок с герцогской кухни, если он ворочает поварёшкой уже давно. Даже бродячая собака – если это матёрый пёс внушительного уровня, слопавший за свою жизнь не одного и не двух легкомысленных странников, позабывших о технике безопасности на дорогах Средневековья. И что теперь – под каждого прогибаться? Нет, если Снурф окажется склонным к мужеложству похотливым ублюдком, кину ему в морду всю охапку снаряжения, и в бой. На меч в этой охапке лучше не надеяться, и не пытаться его вытащить. Снурф про него знает – сам же выдавал. Про нож он тоже наверняка знает: нащупал когда искал деньги. Но он может

думать, что про него не знаю я. Слабенький, но всё же шанс получить преимущество.

Только напрасно я опасался за своё очко и разрабатывал тактику самообороны. Никуда меня так и не впахнули, хотя каморок и закутков по пути попадалось достаточно. Зато мы неумолимо приближались к плацу с сотником на нём, и уже слышались крики: «Шаг вперёд! Выпад! Шаг назад! Щитом закрылись!», – и прочее в том же роде вперемешку с яростной руганью. Бли-и-ин, сейчас начнётся муштра!.. Только я об этом подумал, как прямо передо мной из пустоты материализовался тощий длинноволосый юнец в чёрном. Конечно, я врубился бы в него, но Снурф крикнул: «Стоять!» – и ухватил меня за шиворот. Пробежавшая мимо нас симпатичная служанка охнула и уронила корзину с грязным бельём.

– Приветствую тебя, почтенный Снурф, – сказал юнец, коротко и чопорно кивнув, что, должно быть, означало дежурный поклон. – Великий Герхард прислал меня за вещами этого рекрута.

– Сам Герхард? – удивился управляющий. – Прислал тебя? Зачем? Парень сдал бы что положено перед выходом на плац. Как и обычно.

– Естественно. Однако господину Герхарду могут понадобиться все вещи рекрута. Без исключения. А пока он посмотрит на них через меня и выберет то, что ему нужно.

– Ну, раз такое дело... Тогда пошли с нами. Только учти: если ты будешь продолжать шляться по замку невидимкой ради этих твоих эффектных появлений, я нажалуюсь на тебя твоему патрону. Не думай, что раз ты маг, на тебя управы нет. А не поможет – нажалуюсь герцогу уже на патрона. Просто для того, чтоб ты уяснил: управа есть на всех. Хотя Герхард, не сомневаюсь, существующий расклад понимает прекрасно. И вздрючит тебя ещё до моего обращения к его высочеству. Производи впечатление на служанок другим способом – понял?

Покончив с угрозами, Снурф подтолкнул меня вперёд. Страшно смутившийся юнец посторонился, пропустил нас и пристроился сзади. Не доходя до плаца, мы свернули в крохотный дворик с множеством дверей в окружающих его стенах. Одна дверь была открыта, а внутри заставленной сундуками и разнообразной мебелью комнаты хозяйничал шустрый старикашка гоблинского вида. В лёгких латах и с мечом на поясе. Странно... Чего они тут все в доспехах и вооружённые? И управляющий, и этот уродец. Обстановка в замке спокойная, и выглядел он так, словно его не штурмовали веками. Но, видно, есть какая-то опасность, заставляющая обитателей ходить в железе за крепостными стенами. На ночь хоть снимают?

– Ага, ещё один! – обрадовался мне гоблин. – Давай-давай, выкладывай добро! Продукты – на кухню. Деньги – в казну его высочества герцога.

Вон оно что. Грабеж прибывающих рекрутов здесь налажен централизованно. Тоже обидно, но хоть не так унижительно.

– Особый случай, Тук, – предупредил Снурф. – Видишь – Герхард Ноэля прислал. Что-то не так с этим новобранцем... Ну, чего замёрз? –

обратился он ко мне. – Выкладывай что сказали. И не жалеи. Ты всё равно съел бы все припасы по дороге, и потратил все монеты. Если ещё хватило бы тебе, и не пришлось ни подрабатывать, ни побираться... Теперь можешь расслабиться. Кормят у нас хорошо.

– А жалование платят? – спросил я.

И тут же повторно пожалел, что у меня не отнялся язык. Но Снурф, побагровевший, как мне показалось, от ярости, всего лишь разразился неудержимым хохотом.

– Жалование? – переспросил он через минуту, утирая слёзы. – Жалование? Какое тебе жалование, дурь безмозглая? Да ты должен благодарить всех богов и демонов просто за то, что сюда попал! Не будь войны...

– Откуда этот дурачок? Из каких земель? – спросил Тук. – Эй, дурачок! Откуда ты взялся?

– Он из королевства берёзовых пней! – опять заржал Снурф, что спасло меня от необходимости отвечать.

Теперь и гоблин вторил управляющему противным дребезжающим смехом. Даже чопорный Ноэль позволил себе улыбнуться. Я потихоньку начал закипать, стараясь, однако, не показывать виду. Потешайтесь сколько влезет. Давно известно: хорошо смеётся тот, кто смеётся последним. За кого б вы сошли в моём мире, недоделки условно-средневековые? Я в вашем меньше часа – посмотрим, что будет через недельку, через месяц. Главное, чтоб у меня клапана не сорвало раньше времени.

Я вызвал интерфейс и ввалил все свободные очки в интуицию и удачу. Остальное мне ещё когда понадобится. А чутьё жопой, что можно говорить и делать, а чего нельзя, и поменьше вляпываться в опасные ситуации, необходимо сию секунду. И с самого начала было. В хладнокровие бы ещё вложиться, на случаи неизбежного при любых характеристиках вляпывания время от времени, но нечем. Хотя... У меня ведь мана есть, она же волшебная сила. Жалкая стартовая пятёрочка всего, однако её наличие свидетельствует о возможности развивать магические способности, тем самым влияя и на характеристики. Заглянул в соответствующий раздел – точно:

«Вам доступно создание одного простого заклинания. Создать?»

Ещё бы! Назовём его коротко и ясно: «Мне пох». Действие: ответ собственной психики на неблагоприятные обстоятельства жизни. Тип действия: продолжительный. Пока обстоятельства не изменятся, не полегчает на душе или не кончится мана.

«Заклинание успешно создано. Выучить?»

Да, немедленно. Интерфейс закрыть. Вот теперь у меня полный порядок. Осталось только найти способ добычи маны в промышленных масштабах.

Дождавшись, когда компания отвеселится, я выложил на шаткий обшарпанный столик кошель с деньгами и продукты из котомки. Ноэль всё осмотрел, взял несколько монет и достал несколько склянок. В одну отсыпал муки, в другую – фасоли. Отпилил изящным ножичком по

кусочку сала и окорока, и тоже положил в склянки. Порылся в прочих вещах, забрал огниво, ложку, и важно кивнул: всё, мол, готово. Гоблин выкрикнул чьё-то имя – прибежал вихрастый мальчишка лет десяти. Снурф начертил что-то стилем на вощёной дощечке, припечатал перстнем и вручил записку малолетнему посыльному. Тот умчался со скоростью звука и вскоре вернулся с охапкой одежды и котомкой. Одежда была точь-в-точь как моя, и моего размера. В котомке лежало то же самое, что и в моей, за исключением котелка.

– Здесь тебе готовить не придётся, – пояснил Снурф. – Будешь харчеваться из общего котла децимы. Знаешь, что такое децима? В армии это десятка солдат. В ополчении это десять штук отребья вроде тебя. Давай, переодевайся.

За ширмочку мне отойти не предложили, а посему я переоделся под скачущими взорами присутствующих. Гоблин сложил конфискованные у меня пожитки в сундук и запер его на висячий замок. Ноэль одобрительно кивнул:

– Будьте готовы прислать это господину Герхарду по первому требованию, почтенный Тук. И следите, чтобы к сундуку никто не подходил. Лучше запереть его в отдельной кладовой. Найдётся у вас пустая?

– Совсем пустой нет, но я распорядюсь сейчас же освободить одну. Не беспокойтесь – все чин-чинарём устрою. И заклинание на дверь наложу самое лучшее.

– Благодарю, почтенный.

С этими словами Ноэль удалился, после чего Снурф довёл меня таки до плаца. Это был просторнейший внутренний двор, вымощенный брусчаткой. Одна половина засыпана крупным песком, чтоб новобранцы могли не так больно падать и ничего себе при этом не ломать. Другая расчерчена под строевую подготовку.

Увидев нас, оравший и брызгавший слюной сотник оставил в покое более четырёх десятков мучимых им парней в кольчугах, скомандовав: «На отдых!» – и подошёл к нам. Он не имел бороды, коротко стригся и выглядел как зверюга-сержант из американского фильма про нелёгкие армейские будни, только вместо формы носил доспехи; а ещё он был без шлема и пьян.

Я хорошо представлял, какой разговор у него состоится со Снурфом, – по предыдущим разговорам, а потому воспользовался случаем, чтобы оглядеться. С открытого места стало видно, что замок огромен. Я заподозрил это ещё во время беготни с управляющим, а теперь убедился воочию. Бесконечные башни и внутренние стены чисто фэнтезийной высоты взбирались по склону холма до макушки. Строили их явно не только руками, но и с помощью магии. С масштабами не стеснялись. Я невольно залюбовался грозным великолепием сего шедевра фортификационного искусства и архитектуры. Наверно, герцог, чьего полного титула я пока не знал, занимал видное место среди высшей знати королевства.

– Вот, принимай! – сказал Снурф, хлопнув меня по плечу. – Правда, он дурак.

– Не беда, – ответил сотник, окинув меня недобрый взглядом. – Я ему живо интеллект прокачаю. Все они приходят ко мне дураками, а уходят на диво сообразительными. И неплохими бойцами, кстати. Те, которые выживают.

– Но этот – редкостный дурак, сказочный, – настаивал Снурф.

– Значит, и солдат из него получится сказочный, – отрезал сотник. – Когда дурь выбью.

– Имей в виду: им Герхард интересовался. А ты же знаешь – обычно он с рекрутами не заморачивается. Перебросит – и забыл.

– Да ну? А может, у него опять накладочка вышла? Как с тем пацаном пару лет назад – помнишь? Который оказался с соседнего Мирового Острова? И тоже поначалу выглядел неизлечимо тупым?

– А-а-а! – обрадовался Снурф. – Наверно, ты прав. Ну, принимай, короче.

Он развернулся и ушёл, а сотник уставился на меня. Я понятия не имел, как следует себя вести: скромно, или наоборот, и решил ответить прямым твёрдым взглядом в глаза новоявленного начальства. Если уж делать что-то, особенно с риском всё сделать неправильно, так лучше творить это гордо и с уверенной рожой. Будешь верить, что чего-то стоишь, – и окружающие поверят... Угадал: сотник остался доволен.

– Может, ты и дурак, но хоть не ссыкун, – сказал он. – Глядишь, и выйдет из тебя толк. Надевай кольчугу, шлем. Боевой меч – в стойку, и запомни место. Заберёшь после занятий. Пока возьми учебный. Выполняй!

Он и не подумал спрашивать, из королевства ли я берёзовых пней или с другого Мирового Острова. Шок от попадания чёрт знает куда у меня уже прошёл, а теперь я и окончательно успокоился. По-настоящему здесь никого не интересует, откуда я. Главное – вдолбить мне азы владения оружием и побыстрее отправить на бойню. Королевство четвёртый десяток лет в войне, мужиков повыбили. То-то управляющий самолично бегает по замку, решая дела с новобранцами, хоть это, должно быть, вообще в круг его обычных обязанностей не входит. Если кого и занимает моё происхождение, так это Герхарда. Который, насколько я понял, состоял при герцоге верховным магом. Из проповеди Снурфа Ноэлю следовало, что маги в королевстве занимают подчинённое положение относительно дворянства. Не обнаружит Герхард в моих вещах ничего подозрительного – бояться вообще станет нечего. Только б ему не почудилась в огниве или горсточке муки зловредная магия. Ну, будем надеяться, что главный волшебник герцогства не параноик.

Я надел подкольчужную рубаху из толстой грубой кожи и стал натягивать кольчугу. Многочисленные прорехи в ней были весьма небрежно залатаны кусками стальной проволоки, концы которой за всё цеплялись. Так, а почему я не вижу характеристик предметов? Мне не положено, или характеристики не отображаются вовсе? Или это потому,

что я интерфейс убрал? Может, его следует постоянно активным держать? Видно через него хорошо, да только с непривычки висящая прямо перед глазами игровая хрень здорово мешала. Потому и убрал. А, наверно, не стоило. Или с настройками что-то? Надо проверить.

Не зря забеспокоился: интерфейс частично закрывали окна с предупреждениями:

«Внимание! Системные уведомления отключены. Возможно, это результат сбоя».

Естественно, и я даже знаю, какого. Механика мира пока не ясна, однако в деятельности Герхарда по переброске рекрутов интуитивно чувствовалось грубое и наглое читерство. Или хакерство. Или другая такая же херня.

«Включить уведомления? Да. Нет. Выборочно».

Да, только без звукового сопровождения. Пока включу все, а потом уберу лишнее. Поначалу без разницы, а когда активничать начну, завалит сообщениями.

«Внимание! Характеристики предметов и персонажей скрыты. Если это не ваше продуманное и взвешенное решение, рекомендуется изменить настройки».

Чёрт, а как такое решение может быть продуманным и взвешенным? В том и преимущество игрового мира перед обычным, что ты сразу видишь, кто чего из себя представляет и что сколько стоит. По крайней мере, насколько это позволяют делать система, твой класс и уровень.

Впрочем, я могу и ошибаться. Жить здесь – это же не за компьютером сидеть. Не исключено, что когда ко всему привык, когда уже не только ты в игровом мире, но и мир в тебе, когда ты им насквозь пропитался, отображение характеристик действительно ни к чему. Информация сама влетает в тебя, словно ты провидец...

Ну, хватит. Что точно не надо включать, так это воображение и внутреннюю бабку-гадалку. Потом узнаю. А пока с кольчугой управился, шлем нахлобучил, как щит ловчей держать – разобрался. Пора в дело.

Я поставил боевой меч в стойку, как велел сотник, и взял учебный. Тупой как обух топора и с закруглённым концом.

«Одноручный меч романского типа. Тренировочное оружие...»

Вот тебе и характеристики. Урон от такого меча – только синяков противнику наставить да морду разбить. Или руку-ногу сломать, если посильней шваркнуть. Но на тренировках такие приёмы должны быть запрещены. Разве кто в раж войдёт или от природы садист... Так, теперь персонажи на очереди. Я сфокусировал взгляд на сотнике.

Имя: Креппер

Раса: человек

Класс: воин (ветеран)

Звание: рыцарь Ордена Бдящих

Уровень...

– По-о-дъём! – заорал Креппер, и я поспешно прекратил изучение его профиля. – Построение по децимам!.. Твоя – эта, – обратился он ко мне. –

В ней пока только Скин, Меченый, Друвайер и Пент. Будешь пятым. – Креппер запрокинул голову, делая глоток из объёмистой фляги, и вдруг вытаращил глаза, выдернул горлышко изо рта, расплескав вино, и заорал: – Воздух!!!

Рассудив по его интонациям, что команда «Воздух!» в этом мире означает то же самое, что и в моём, я заметался в поисках укрытия. Однако на плацу не было укрытий. Все бросились под защиту окружающих его башен и стен, и я последовал доброму примеру. Едва добежал, как сверху раздался громоподобный парализующий рёв. Парализующий в буквальном смысле: не успевшие убраться с открытого места новобранцы застыли в тех позах, в каких их застало событие, и только двое или трое продолжали двигаться – с величайшим трудом, словно преодолевая сопротивление внезапно сдувшегося воздуха. На плац напоззали крылатые тени – одна, другая... Бог мой, да это же драконы!

– Рутгер! Сволочь! Убью паскуду! – орал сотник.

Сверху опять раздался рёв, пробравший меня животным страхом до самых костей. Внутренности в животе задрожали и будто бы стали жидкими – вот-вот вытекут! Кажется, я сейчас обгажусь... Дыши глубже, Иван! Сохраняй спокойствие! Ты под стеной, а посреди плаца у драконов на виду достаточно еды!

Дышалось тяжело, как с аквалангом на глубине. Тело не слушалось. Еле удалось поднять голову – как в замедленной съёмке. Нет, гораздо медленнее! Вот же дрянь, ну почему так? Рядом один из выходов с плаца – как бы я сейчас к нему драпанул!

– Мразь! Выродок! Сын шлюхи! – продолжал бесноваться Креппер. – Сколько раз говорил – не заходи на посадку с этой стороны! А ему, видите ли, так удобнее!

Наконец я разобрался в ситуации: драконы не нападали. Они всего лишь пролетали над нами чётким строем образцовой эскадрильи. Но вот беда – один из них, кажется, собирался облегчиться. Да что там – собирался. Уже...

– Ма-а-а-ма! – тоненько закричал один из застрывших посреди плаца ребят.

Ну да: дракон – это вам не голубь.

Огромная плюха полетела вниз со свистом авиабомбы. Впрочем, звук мне, должно быть, померещился. Но сама плюха-то не мерещилась – она смачно шлёпнулась точно в центр плаца, накрыв продолжавшего кричать паренька. Он мыкнул напоследок и умолк, оставшись стоять посреди вонючей лепёшки, облепленный дерьмом с ног до головы.

– Куда Герхард смотрит? Где магия? Где Покров, мать его? – вопил Креппер.

Сам он при своём сорок восьмом уровне сохранил полную подвижность. Но и нас всех мгновенно отпустило. Магическая защита от парализации своими же драконами с запозданием, но сработала.

Мы подбежали к единственному пострадавшему. Он застыл в позе бегуна, с неестественно склоненной головой.

– Шею сломало, – сказал кто-то. – Но, вроде, жив.

«Меченый, – машинально отметил я. – Из моей децимы. Который с клеймом на лбу».

– Чего стоите? – ехидно спросил сотник у кучки парней справа. – Ваш товарищ! А товарища надо выручать при любых обстоятельствах! Не раздумывая! Вы бойцы или кто? Всех на конюшни отправлю вне очереди! На неделю!

Попавший под плюху меж тем завалился на бок. Впрочем, упал он на мягкое. Смотреть на это было настолько печально, а говном воняло так сильно, что я отошёл в сторону. Меченый сделал то же самое. К нам присоединились Скип и Пент с Друвайером. Началась общая движуха. На месте происшествия осталась только влипшая в дерьмовую – в полном смысле – ситуацию децима, бурно обсуждавшая, что делать: отмыть неудачника, и уже потом тащить к лекарю, или тащить сразу.

– Пока отмываем, он может копыта откинуть! – убеждал остальных один.

– А такого его лекарь не примет! – возражали другие.

Вопрос решил припёршийся на плац гуляющей походкой лекарь. Пьяный, как и сотник. Глядя на его опухшую от регулярных возлияний морду, я подумал, что он точно сюда не по тревоге прибыл. Наверно, дышал свежим воздухом и случайно оказался рядом.

– Конечно, сперва отмыть, – сказал служитель медицины непререкаемым тоном. – А если сдохнет – ничего страшного.

– На оживление потребуется уже не твоё колдовство, – буркнул Креппер. – А посерьёзнее. Будет тебе выговор от Герхарда.

– Пусть Рутгеру выговаривает. Его вина – ему и выговор. И с самого Герхарда герцог спросит. Зачем опять оголил плац? Куда ресурсы перебросил?

Невезучего новобранца оттащили на чистое и окатывали ковшами воды из принесённой кадки. Суетились слуги с вилами, лопатами и корзинами. Драконью лепёху убрали, след от неё засыпали свежим песком.

– Смотри-ка: нас убирать не заставили, – заметил я.

– Рано радуешься, – усмехнулся полноватый крепыш Скип. – Хватит дерьма и на нашу долю. И на твою конкретно.

– Мне пох, – ответил я.

«Закливание активировано!» – радостно сообщила система.

Константин ШАБАЛДИН

Финка

(Из повести «Жмот и Жозефина»)

Фермерское поселение Кирзачи, 14 июня, 2112 года

Младший сержант спецназа Финка пошевелила лениво пальцами босых ног и зажмурилась от удовольствия. Она стояла на окраине села по колено

в сырой траве и наслаждалась рассветом. Ворот форменной куртки было широко распахнут, ремень она у фермеров ни разу ещё не надевала, сапоги-говнодавы давно забросила в сарай. Финка, кажется, даже урчала от наслаждения, подставляя солнечным лучам бледное лицо. Под куполом Оазиса такого солнца не бывает.

– Жозефина Корхонен, – услышала Финка за спиной и обернулась.

Как обычно за ней прислали Манечку, костлявую девочку-подростка с третьим глазом в правом виске. Манечка, слегка повернув голову вбок, так чтобы все три глаза смотрели на Финку, поманила её узкой ладошкой. Манечка была человеком строгим и неразговорчивым. Хотя какой же она человек? Мутант, прости Господи.

– На планёрку? – спросила Финка.

Манечка кивнула и нетерпеливо потопталась кривыми ножками, демонстрируя неодобрение медлительностью младшего сержанта. Финка вздохнула и направилась к дому Председателя. Манечка засемила рядом.

– Маня, ну не зови ты меня «Жозефина Корхонен», – сказала Финка. – Я же сто раз тебя уже просила. Зови просто – Финка. Меня все так зовут. Я же это имя, Жозефина, терпеть не могу, это же я в бреде официально так представилась, мне же казалось, что меня в плен взяли, вот я и твердила имя и личный номер. Хотя зачем анархистам мой личный номер? Ума не приложу. А нас вот заставляют заучивать, восемьдесят семь пятьсот семьдесят девять, мой личный номер. По уставу я только его могу противнику сообщить, а вот зачем? Понятно если в Поле боец погиб, его потом по номеру на бирке опознать можно, а из плена ещё никто не возвращался. Если к анархистам попал – всё, амба, пиши-пропало.

Финка знала, что Манечка ничего ей не ответит, и по-прежнему будет звать её полным именем. Как и взрослые, которые не вступали с ней в отвлечённые разговоры и обращались исключительно «Жозефина Корхонен», а то и «младший сержант Жозефина Корхонен». В посёлке Финка существовала в условиях мягкого бойкота, но ей было наплевать. Зато тут было солнце, трава под ногами, ветер с близких сопков, пахнувший снегом и не было капитана Карпова с его потными лапами. И ещё каждый вечер был умопомрачительно вкусный пчелиный сыр.

Они вошли в избу, где на лавках, расставленных вдоль стен, уже сидели бригадиры. Председатель, Никита Михалыч Сергушин, засунув руки в карманы ватных штанов, прохаживался по центру. У него было по шесть пальцев на руках, и он этого стеснялся. Финка остановилась на пороге, а Манечка присела на краешек лавки рядом с бригадиром копателей Джоном, Который Видит В Темноте.

– А вот младший сержант Жозефина Корхонен, – продолжил Никита Михалыч прерванную речь, – пойдёт сегодня работать на пасеку.

– Не надо мне её, – сразу вскинулся Лёшка-пчеловод. – У меня прошлый раз после неё пчёлы дойти перестали. Боятся её пчёлы.

– Тогда Жозефина Корхонен пойдёт сегодня пшеницу трясти, – сказал Никита Михалыч.

– Она хорошо трясёт, девка сильная, – ответил бригадир хлеборобов Юрий Эрнестович. – Только стволы у пшеницы, где она прикоснётся, потом гнить начинают.

– Ну, ты ей верхонки дай.

– А есть смысл рисковать? Сами управимся.

– Катализаторы пусть раскладывает.

Бригадир сдержанно посмеялся. Председатель вгорячах сказал глупость и сам это понимал. Укладка катализатора роста было делом тонким, требующим большого опыта, не каждый фермер с этим мог справиться. Никита Михалыч исподлобья взглянул на бригадира охотников по кличке Шопенгауэр.

– На зайца сегодня пойдём, – сдержанно произнёс Шопенгауэр. – Я бы взял на охоту младшего сержанта Жозефину Корхонен. Стреляет она хорошо, сами видели. Но если анархисты повстречаются, они в ней махом спецназовца опознают. И тогда всем нам кирдык.

– Значит, никому сегодня Жозефина Корхонен на работу не нужна? – спросил Председатель, и все знали, что это риторический вопрос. – Тогда как обычно Жозефина Корхонен от работы освобождается. Просим её к обеду не опаздывать, – Никита Михалыч вынул руки из карманов, развёл их в стороны, издевательски поклонился Финке.

Она слушала всё это молча, низко опустив голову, разглядывая скрипучие половицы под ногами Председателя. Она уже привыкла. Она была совершенно непригодна для сельской жизни, ей не могли доверить самой простой работы, даже нужники чистить, потому что нужники у фермеров чистили специальные бактерии, которые надо было уметь правильно заквашивать. Брюква на огороде от неё разбежалась, рыбки, после того как она однажды задала им корм, долго блевали, падали с насеста и перестали нести яйца, а змеинная шерсть, скатанная Финкой, истлела на следующий день.

Уже второй месяц Финка жила у фермеров нахлебником. Ей не то чтобы намекали, а почти в открытую говорили: «Шла бы ты девка в свой Оазис, не место тебе здесь!» Но Финка не уходила. Терпела пренебрежительное к себе отношение, но не уходила. Не могла себя заставить. Выше её сил было вернуться в тесную суету купола, снова встать в строй, жрать тухлятину в солдатской столовке, считать рубли до зарплаты и ждать, когда тебя погонят в Поле на убой. Или разгонять митинги безработных. Или отстреливать полярников, которые тащат доцентам образцы экзофлоры. К тому же за долгую отлучку Финке запросто могли пришить дезертирство, и доказывать потом, когда к стенке поставят, что была тяжело ранена в бою. А значит, некуда ей было уходить.

Манечка встала и за рукав потянула Финку на улицу.

– Ёжиков пойдём смотреть? – спросила Финка, когда они вышли. – Пойдём, я тоже люблю на них смотреть. Они прикольные, только непонятно как они кушают, у них же ротика нет.

Манечка подмигнула ей третьим глазом и первая стала пробираться сквозь пчелиное стадо, которое гнали на выпас люди Лёшки-пчеловода. Финка шла за ней и поглаживала на ходу мохнатые пчелиные бока. Пчёлы были тучные, чуть сонные после утренней дойки. Они пёрли, не разбирая дороги и надо было следить, чтобы острое копыто не пробило ненароком босую ногу.

Они вышли за околицу и как всегда уселись возле ёжинного родника. Пройдёт немного времени, солнце взойдёт повыше, и из земли начнут вылупляться крошечные комочки псевдоплоти, на глазах обрастая мясистыми иглами, а может заострёнными щупальцами. Они будут увеличиваться до размера футбольного мяча и, растопырив ядовитые иголки, посемят на когтистых лапках в сторону леса. За раз вылуплялось всегда ровно восемь ёжиков. Только один раз их было девять, и Манечка пришла в ужас. Она так испугалась, что Финке пришлось её успокаивать, гладить по голове, обнимать и шептать какие-то слова утешения. Странные всё-таки эти фермеры.

Пастухи подобрали умирающую Финку после боя с анархистами, лишь она выжила из целого взвода спецназа, отправленного в рейд капитаном Карповым. Её притащили в посёлок и оказали первую помощь. Потом фермеры долго лечили её, выхаживали с риском для себя. Если бы анархисты узнали, что у них прячется боец из Оазиса, всему посёлку пришлось бы худо. Но Финку вылечили какими-то травами, откормили пчелиным мясом, отпоили рыбным бульоном. Ещё она смутно помнила, как ей к простреленной груди прикладывали горячий светящийся шар, но возможно это было бредом.

А теперь фермеры всячески пытались выжить её из посёлка. Председатель говорил, дескать, радиация у нас, вредно тебе, заболешь. А Финка знала, что врёт, нет в Поле никакой радиации. Эту легенду и в Оазисе поддерживают, но спеназовцы знают военную тайну – радиации давно нет, остались небольшие очаги, они на карте отмечены. Просто Никита Михалыч боялся анархистов. Поэтому Финка и старалась загореть сильнее, чтобы не отличаться от обветренных жителей Кирзачей.

Первые ёжики уже начали обрастать иглами. Манечка довольно шурилась своими разноцветными глазами, а Финка думала, что ведь не просто так девочка ходит каждый день к роднику. Не делали фермеры ничего просто так, они люди серьёзные, был в этом любовании ёжиками какой-то смысл. Но Финке было наплевать, потому что никогда в жизни ей не было так хорошо и спокойно на душе, как во время этих утренних посиделок с Манечкой у ёжинного родника. И тут грохнул взрыв.

Финка сразу навалилась на Манечку, закрывая её своим телом. Ёжики заверещали и на глазах у изумлённой Финки стали обратно ввинчиваться в землю. Загудело близкое пчелиное стадо, но всё заглушили автоматные очереди. Пробежал пастух, истошно вопя:

– Дикие! Дикие Ваську Скарлатину убили!

Дикие – это было очень плохо. Анархисты воевали с Оазисом, иногда наезжали на фермеров, но от них можно было откупиться. Спецназ воевал с Полем, бунтовщиками и к фермерам не совался. Дикие воевали со всеми. Это были бандиты. Они грабили и убивали, крышевали и беспредельничали. Финка приподнялась на локтях и огляделась. Вдалеке, за пчелиным стадом ближе к лесу, как раз на ёжиковой тропе, маячили силуэты. Позиция у Финки была хорошая, родник в ямке, почти естественный окопчик, противник как на ладони. Но вот оружия у неё с собой не было.

– Лежи здесь, – сказала Финка и для убедительности вжала голову Манечки в землю.

– Ага, – сказала Манечка.

Финка ещё раз внимательно огляделась и рванула к домику, который фермеры выделили ей для одинокого проживания. В неё стрельнули пару раз, но не прицельно, просто для остротки. Возможно, дикие решили ограничиться кражей нескольких дойных пчёл, но могут передумать и завалить в посёлок.

Спокойно и очень быстро, как на учениях, Финка забежала в избу, накинула броник, подхватила автомат, сунула в карман запасной магазин. Пожалела, что нет ни одной гранаты. Выбежала во двор, притаилась за поленницей. Сообразила, что забыла обуться и усмехнулась. Она была в отличном настроении, в крови привычно бурлил адреналин, как всегда перед боем ей было страшно и азартно. И самое главное появилась возможность показать фермерам свою полезность, отплатить и за спасение, и за лечение, и за пчелиный сыр.

Она услышала громкую матерную брань и осторожно выглянула из укрытия. Так и есть – трое диких шли в посёлок, размахивая стволами, высматривая двор побогаче. До них было метров двести, и Финка сняла бандитов как на стрельбище, тремя короткими очередями. И сразу в стороне пчелиного стада, там, откуда раньше доносились автоматные выстрелы, бахнул ружейный залп. Это, заслышав стрельбу, вернулся с охоты отряд Шопенгауэра. Сейчас фермеры добьют или хотя бы отгонят оставшихся в живых диких.

– Маня! – громко позвала Финка. – Манечка!

Девочка лежала в траве и не шевелилась. Финка перевернула Манечку на спину и увидела кровь. Она рванула ткань платья, рассмотрела рану и испуганно охнула. Шальная пуля вошла девчонке в грудь, справа, над печенью. Точно как совсем недавно Финке. Она закинула автомат за спину, взяла Манечку на руки и побежала к дому Председателя.

Содержание

Семён АГЕЕВ	
Коротко стриженная	3
Евгений ГРЕП	
Ты не бессмертен	19
Галина ГРИГОРОВСКАЯ	
Рождество	25
Надежда ДВОРЦОВА	
Лесная ловушка	33
Константин ЕГОРОВ	
Старик и море	43
Надежда КАЛАШНИКОВА	
Не так, как мы хотим, всё движется кругом	44
Наталья КОЛЕСОВА	
Поступившие непоступившие	54
Надежда КРАСИЛЬНИКОВА	
Озеро русалок	65
Дарья ОРШАНСКАЯ	
Второй шанс	69
Юрий СОКОЛОВ	
Новобранец для герцога	71
Константин ШАБАЛДИН	
Финка	83

На остывающем поле боя зашевелились мёртвые... Лётчик почувствовал, как сердце начинает биться всё медленнее... Захотелось лечь и уснуть...

Рядом поднялся убитый днём лейтенант и негромко приказал, ни к кому особенно не обращаясь:

– Становись...

Молча и неторопливо искорёженные солдатские тени построились в колонну.

«Надо выбирать, – понял летчик, – либо с ними, либо сам по себе...» Почему-то он выбрал последнее и побрёл к смутно виднеющимся в темноте деревьям, не видя, как позади, сопровождаемые тягучей песней, колонна за колонной уходит в небо мёртвые солдаты...

Евгений ГРЕП. Ты не бессмертен.

